

Алексей Притуляк

Пепельные цветы

Алексей Притуляк

Пепельные цветы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29340694

SelfPub; 2018

Аннотация

Недалёкое будущее. Идёт мировая ядерная война. Восемь человек на острове посреди океана безнадёжности и ужаса. Кто-то пытается найти спасение от страха неминуемой гибели (который, как известно, страшней самой смерти) в любви, кто-то – в ненависти; иной отгораживается ширмой отрешённости и фатализма, другой торопится исправить ошибки, а третий решает поторопить смерть...

Содержание

Часть I	4
1. День первый. Беатрис	4
2. День первый. Ллойд	15
3. День первый. Меган Маклахен	30
4. День первый. Пирс Маклахен	40
5. День первый. Нид Липси	51
6. День первый. Гленда	64
7. День второй. Беатрис	73
8. День второй. Пирс Маклахен	85
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Часть I

1. День первый. Беатрис

Паром тащился уныло и медленно, надрезая морскую гладь, рассекая неказистым телом штиль. Как можно ползать с такой скоростью, когда смерть наступает на пятки!

Она посмотрела вокруг: на серое море, на серое небо, на серые лица пяти-шести человек, сидящих на скамьях. Все они смотрели перед собой, держась прямо и недвижимо, как манекены. Никто не встретил взгляда Беатрис, хотя все его прекрасно заметили и почувствовали.

И только один из них – седоватый мужчина лет шестидесяти, выжженный солнцем до полного иссушения, вдруг повернулся:

– На Грасхольм?

– Что? – Беатрис вздрогнула от неожиданности. – А-а, нет. Нет.

– Не хочешь – не говори, – пожал он плечами. – Мне-то что.

Голос у него тоже был выжженный солнцем – сухой и ломкий, как у человека, который пытается говорить во время приступа кашля.

– Да нет, я действительно не на Грасхольм, – зачем-то при-

нялась оправдываться Беатрис. А зачем, спрашивается? Не всё ли ей равно, что он подумает? – Я – на Гир.

– На Гир, так на Гир, – кивнул мужчина. – Мне-то что.

Беатрис демонстративно отвернулась от него, встала со своего чемодана, отошла к ограждению. Тебе ничего, а мне и подавно.

Долго созерцала кипение воды за бортом, пока не закружилась голова. Тогда подняла глаза и принялась смотреть в небо. Но это было зрелище не из весёлых. С тех пор как началась война, небо перестало радовать. Оно стало опасным и грозило бедой. Оно не давало никаких эмоций, кроме страха и тоскливого ожидания: вот сейчас вывалится из серой шапки облаков длинное бревно ракеты и полетит прямо в тебя, чтобы изжарить, испепелить, испарить, чтобы стереть с лица земли и саму память о тебе.

Кто-то где-то включил радио. На полную мощность.

"Привет, ребята! – заголосил диктор, и его голос жизнерадостного идиота долетел, кажется, до самого Пембрукширского побережья. – Вы слушаете радио "Дредноут". Сегодня тринадцатое июня две тысячи сорок седьмого года, местное время восемнадцать часов, и с вами я – Кевин Джонс. За окном, я смотрю, прекрасная погода, на море штиль, прекрасный вечер, прекрасная жизнь и плевать нам на азиатов – всяких там китайцев, корейцев, русских, индусов и прочее дерьмо которое, как обычно, норовит всплыть на поверхность. Как говорил мой дедушка Алберт: "На то оно и дерьмо, что-

бы вонять".

Ладно, оставим пока лирику и перейдём к главным новостям сегодняшнего дня, только сначала намотаем себе на ус, что самые дешёвые цены на пиво "Честер" мы найдём в супермаркете "Галлахер".

В эти самые минуты в Кардиффе подходит к концу очередной, семнадцатый, гей-парад, посвящённый дню Солидарности. В параде принимает участие известная поп-звезда Майк Сьюзи... Вау! Вы там были, ребята? Кто был, обязательно дозвонитесь к нам в студию и расскажите, как всё прошло. А я расскажу вам, где можно недорого купить новый диск Майка Сьюзи "Давай, давай!"

Вот ещё славная новость, ребята: наши надавали "Пенинхауэру", счёт: два – один. У нас отличились Майнон и Уэлш. У них... у них облажались все, кроме Бартона, который как-то умудрился доползти до наших ворот, пока защитники гоняли косячок.

Та-ак... Что там у нас ещё...

На восточном фронте без перемен. Китайцы добивают чехов. Вы знаете, кто это – чехи? Нет? Это, ребята, такая народность, проживающая в стране Чехии. Ну да, чехи – Чехия, Чехия – чехи. Только их больше нет, так что знать про них теперь уже совсем не обязательно. Ха-ха, шутка.

Президент Соединённых Штатов сегодня встретился с представителем китайского императора Фу Жэнь... э-э... Фу Чжэнь... В общем, они встретились и поговорили. Прези-

дент США был настроен решительно, он заявил, что..."

Радио умолкло так же неожиданно, как и заорало. Видимо, самому старшему моряку не понравилось про Чехию. Или про Майка Сьюзи. Беатрис тоже его не любила. Она вообще не любила всех мужчин, которые хоть в чём-нибудь стараются уподобиться женщинам.

Тот, которому всё равно, сипло и с бульканьем закашлялся – раскуривал старую пенковую трубку. Поплыл над палубой запах плохого табака.

– Совсем не могу курить, – пожаловался старик Беатрис.

– Так не курите.

– Не могу, – покачал головой, утирая выбитую кашлем соплю – утирая по-деревенски просто – пятернёй.

Беатрис пожала плечами.

– Мне-то что, – произнесла она, наслаждаясь этой маленькой безвредной мезью.

– Х-ха! – довольно всхрапнул собеседник и кивнул. – Угу.

Остальные как сидели, так и сидят с ничего не выражающими лицами, погружённые то ли в свои безрадостные мысли, то ли в дремоту с открытыми глазами.

– Меня Диланом зовут, – он вопросительно уставился на Беатрис, выпуская из носа две струйки колючего дыма.

– Мне-то что, – повторила она уже настырно.

– Ну, так это... А тебя?

– Беатрис.

Он покивал безразлично: "Беатрис, так Беатрис". Ну и

ладно, а зачем тогда спрашивал?

– На Грасхольм плыву, – вздохнул. – Племянница у меня там бытует. Думаю, может примет. Муж-то на войне. А мужчина в доме нужен. Я хоть и стар, да руки не отсохли пока... А ты, стало быть, на Гир.

– На Гир.

– Живёшь там? Или тоже к родне бежишь?

– Там гостиница, – неохотно отозвалась Беатрис. Ну, чего привязался старый? Лучше бы не трогала тебя. Даже взглядом.

– Из Кармартена?

– Почти. А вы откуда знаете?

– Выговор у тебя. Гостиница – это хорошо. Да только свой дом – лучше.

– Кто ж этого не знает.

– Угу, – покивал старик. – Угу. Когда всё это кончится?

Беатрис развела руками: я ж не китайский император.

С моря налетел ветер. Бросил в лицо водяной пылью – то ли с моря насобирал, то ли дождь на подходе...

Гарри не пришёл к парому. Что бы это значило?

Она давно уже подозревала, что он ищет случая избавиться от неё. Может быть, это как раз тот самый случай? Сплавил и радуется сейчас. Сидит в офисе, довольный, с секретаршей на коленях, и рассказывает ей очередной свой дурацкий анекдот. Беатрис за всю жизнь не слышала столько тупых и не смешных анекдотов, сколько за год знакомства с

Гарри. Сам он их выдумывает, что ли? Ну, вообще, судя по его безликому чувству юмора, такой вариант не исключён.

Да и ладно. Мне-то что. Правда ведь, господин Мне-то-что?

Старик вопросительно посмотрел на неё:

– А?

– Я ничего не сказала.

Он не буркнул "Да мне-то что", а только кивнул и принялся выбивать трубку. Сидящая рядом чопорная дама лет сорока осуждающе на него покосилась, когда ветер бросил пыльцу пепла на её чёрный чулок. Покосилась, но ничего не сказала. И даже ногой не дёрнула, чтобы пепел смахнуть. Какие они все тут...

Плохо ли, что Гарри не пришёл к парому?

С одной стороны – плохо. За год она успела к нему привязаться. Нет, ни о какой такой любви речи, конечно, не шло, но этот белобрысый гигант успел занять свою нишу в её мире – уютную такую нишу, в которую почти не задувают ветра плохого настроения, в которую не попадает дождь беспричинной грусти. Если сейчас выставить Гарри из его уютного уголка, завернуть в старый ковёр и утащить на свалку, в интерьере будет чего-то не хватать. Это временно, конечно; ко всему привыкаешь. Со временем опустевший уголок заполнится какой-нибудь уютной ерундой вроде цветочной стойки, книжных полок или Роберта из аналитического отдела, чьё пивное пуздо давно скучает по шейпингу и шопингу.

С другой стороны – Гарри сделал ей неожиданный подарок, избавив от необходимости самой наконец-то взяться за редизайн затянувшихся отношений, в которых перспектива чего бы то ни было, кроме традиционного торопливого "Ты кончила?", уходила всё дальше за горизонт неопределённости. Да и была ли она вообще, эта перспектива?

– Да, – кивнул Мне-то-что.

Это сосед справа что-то у него спросил. Но получилось как в гадании...

Что за гадание?.. Да всё просто. Останавливаешься посреди улицы, в людском потоке, затыкаешь пальцами уши. Мысленно задаёшь интересующий тебя вопрос. Открываешь уши. Первое, что ты услышишь и будет ответом. Ну, вроде как гадание по книге, только надёжней. Вот сейчас Мне-то-что подтвердил, что перспектива у Беатрис таки была.

Ну и ладно, мне-то что...

Вдали, за сизой дымкой, которая с некоторых пор постоянно висит над морем, показались смутные очертания острова.

– Гир, – кивнул Мне-то-что, проследив направление её взгляда.

– Спасибо.

– С богом.

Остров как остров. Хотя... Мрачный он какой-то, да. На такие вот маленькие острова авторы детективов обычно поселяют своих несчастных жертв, приговорённых ими к смер-

ти.

Ну, и что тут у нас в интерьере?.. Не по-июньски тусклое и холодное солнце. Скучная растительность: невзрачные мелкие цветы, жёсткий полуиссохший дёрн, несколько кривых и чахлах деревьев, выросших как будто за полярным кругом – настолько им неуютно на этом островке. Небольшой деревянный ангар, в котором, наверное, грезит о море какое-нибудь утлое судёнышко. Деревянные осклизлые мостки ведут от невзрачного причала к пологому склону, по которому поднимается узкая краснокирпичная тропа – вверх-вверх-вверх, к приземистому и хмурому двухэтажному зданию пансиона. А дальше ничего не видно. Да и есть ли там что-нибудь, дальше? Может быть, прямо за стеной этой гостиницы берег обрывается...

Да уж... Можно себе представить, *что* тут творится в шторм. И вот в этом царстве сонной тишины, ветра всех направлений и тягучей, как зубная боль, скуки ей придётся провести как минимум двадцать дней? Какой ужас!

– Ги-и-ир! – прокричал матрос-не-матрос-а-какой-то-дяденька, бросаясь опускать трап.

– С богом, – повторил Мне-то-что, кивая и полубеззубо улыбаясь на прощанье.

Беатрис махнула ему рукой и вцепилась в свой чемоданище.

Именно чемоданище. Она ведь не думала, что Гарри её прокатит. В чемодан было уложено всё самое необходимое,

вплоть до тёплого пальто, тестов на беременность и фарфорового слона, без которого она нигде не будет чувствовать себя уютно. Вес получился вполне себе приемлемым. Для здоровяка Гарри, который должен был его нести. Но когда Беатрис вцеплялась в ручку этого пузана и пыталась оторвать его от земли, она прекрасно понимала, что пальто ей вряд ли понадобится, что залететь будет не от кого, а фарфоровый слон... Даже он не сможет сделать комнату в этой мрачноватой гостинице уютнее. Несколько книг, фотоаппарат, старые письма и две коробки конфет тоже заставляли усомниться в собственном благоразумии. Нет – в здравомыслии.

Это не одно и то же?.. Не важно.

Волоча чемодан к трапу, возле которого добродушно улыбался как-бы-матрос, она ощущала на спине довольные взгляды сидящих на лавке будущих обитателей острова Грасхольм. Возможно, они тоже добродушно улыбались.

Нет, они не улыбались – они ехидно посмеивались, не разжимая губ, над этой дурой, которая надумала втолкнуть в чемодан половину своей маленькой квартирке.

Ну и ладно, смейтесь. Смейтесь, но помогите же хоть кто-нибудь! Я же свалюсь с этого скользкого, как улитка, трапа. И чемодан утянет меня на дно, потому что я ни за что его не выпущу, ведь в нём письма от мамы и дурочки Хелед, в нём совершенно новое пальто и мой любимый фарфоровый слон!

Никто ей не помог. Под лучезарной улыбкой как-бы-матроса она, едва переставляя ноги в туфлях на высоком каблуке, волоча свой ужасный чемодан, спустилась по трапу на деревянный причал.

– Приятного отдыха, мэм! – крикнул ей псевдоматрос, махнув на прощанье, и принялся поднимать трап.

Беатрис оставалась совсем одна на этом ужасном острове. Никто не ступил на его холодную землю вместе с ней. Впрочем, оно и к лучшему, наверное. Ведь если бы кто-нибудь из её мрачных неразговорчивых попутчиков оказался рядом, это было бы, наверное, ещё хуже, чем остаться здесь одной, навсегда.

Она с тоской посмотрела на кирпичную дорожку, которая вблизи оказалась ещё более неприятной, чем с палубы. "Прощайте, каблуки!" называлась она. Следовало бы выставить перед ней специальный дорожный знак: красный круг, в центре которого перечёркнуты высоченные "шпильки". Чемодан, пожалуй, тоже следовало бы зачеркнуть. Потому что при такой тяжести кирпич просто лопнет под острым каблучком, каблук попадёт в образовавшийся тектонический разлом и... Не думать об этом, не думать!..

Она с испугом посмотрела в небо, потому что оттуда, сверху, упал вдруг на голову, прижимая к земле, тяжёлый гул, который стремительно нарастал, нарастал, нарастал, превратившись сначала в пронзительный рёв и визг, а потом – в свист. Потом снова рёв. Потом снова гул. Пять военных

самолётов пронесли над ней так низко, что казалось, она почувствовала исходящий от их двигателей жар. Они умчались куда-то – наверное, на восток. Собственно, это мог быть только восток. Если бы они летели на запад, то конечно же сначала расстреляли бы Беатрис вместе с её чемоданом (бедный фарфоровый слоник!). А так они полетели расстреливать китайцев. Или русских. Или индейцев. Или кого-нибудь ещё, с кем они там сейчас воюют.

Она вздохнула, оставила чемодан у начала тропы и осторожно, тщательно выбирая, куда поставить ногу, стала взбираться по холму к гостинице.

2. День первый. Ллойд

Это была совершенно новая бритва. Он купил её специально для отдыха. Так велел профессор Локк. Он сказал буквально следующее: "Начинать новую жизнь нужно не с главного, а с мелочей. Если начнёте сразу с главного, у вас наверняка ничего не получится. Начните с чего-нибудь второстепенного: купите себе новую кепку, новую... э-э-э... бритву".

Выйдя из клиники он сразу отправился в ближайший мужской магазин и купил себе кепи. И бритву. Кепка изумительно сидела на голове. Бритва отлично с ней сочеталась (Ллойд потратил не меньше получаса выбирая подходящую по цвету рукоять). Поэтому он не стал снимать новый головной убор, когда пошёл бриться.

Хозяин пансиона поселил его в прачечной. Это показалось Ллойдю немного странным и непривычным, но он не знал, как следует вести себя в ситуации, когда хозяин говорит тебе: "Будешь жить в прачечной, я сказал! А не хочешь – убирайся. Паром пойдёт обратно через полтора часа". Говорил он громко, что само по себе выводило из равновесия, мешало сосредоточиться и спокойно подумать. Ллойд не переваривал подобных людей: громкоголосых, грубых, массивных, с лицом, словно вырубленным тупым топором престарелого папы Карло, чья рука уже растеряла былую сноровку, а глаз утратил прежнюю зоркость.

В прачечной не было зеркала, поэтому бриться он намеревался в гостиной, там, где стояла в углу старая-престарая металлическая раковина с большой вмятиной и висело над ней мутное-премутное зеркало.

Пансион пустовал. Это совершенно точно. Поэтому тем более было непонятно решение хозяина, предоставившего Ллойдю сырую, хотя и приятно пахнущую, прачечную вместо обычной сухой комнаты. Ну что ж, в конце концов может быть так, что все комнаты уже раскуплены заранее, что называется – забронированы. Поэтому счастье ещё, что хозяин вообще согласился пустить его на постой.

Ллойд бросил на плечо полотенце (про полотенце профессор ничего не говорил, поэтому оно было старым, оставшимся ещё от тётушки Несты) и вышел из комнаты.

Он жил здесь второй день и пока плохо ориентировался в дверях, коридорах и лестницах. Собственно, коридор был всего один, как и лестница. Но вот дверей действительно было много – не меньше восьми-десяти.

Странно, что люди не обращают внимания на то, как меняется мир при каждом их движении. Они так привыкли к этому, что смотрят на происходящее сквозь пальцы. А Ллойд всегда поражался переменчивости мира. Ведь когда ты выходишь за дверь, ты поворачиваешь направо, чтобы пройти к лестнице вниз. И каждый раз, возвращаясь, тебе приходится некоторое время внутренне готовить себя к тому, *что* сейчас произойдёт. Ведь, как это ни странно, чтобы

войти в ту же самую дверь, из которой ты вышел час назад, нужно будет повернуть уже не направо, а – налево! И каждый раз Ллойд чувствовал себя букашкой, затерявшейся в лабиринте коварного, безликого, изменчивого и жестокого мира, в котором никогда нельзя вернуться назад тем же путём, каким уходишь, и который постоянно ставит тебя перед выбором правильного пути, стремится разрушить твоё "я" своей загадочной непредсказуемостью.

И это не говоря о зеркалах! Зеркало, в которое ты смотришь, когда брешься, обманывает тебя совершенно неприкрыто, нагло. Оно даже не пытается скрыть свою к тебе нелюбовь. И каждый раз, когда тебе кажется, что ты видишь в нём себя, – это обман. Ты видишь в лучшем случае – своё отражение. Которое может быть вовсе не твоим. А может быть и вовсе не отражением.

Ничего не поделаешь, мы живём в мире, полном обмана, лжи, неприязни и страха.

Он прошёл полутёмным тесным коридором в жилые помещения. Благо, прачечная располагается на первом этаже, что избавляет его от необходимости сталкиваться с лестницей. Лестница – это ещё одна, острейшая, грань коварства, но о лестницах лучше сейчас не думать.

Дремотная тишина и тёплый аромат пыльного дерева успокаивали, так что он даже остановился и постоял немного, всей грудью вдыхая запахи тишины и покоя. Замечательный пансион! Как здорово, что он отправился именно сюда!

Удачное место, чтобы начать новую жизнь. Вот только... хозяин был бы поинтеллигентней.

Надышавшись, быстро шмыгнул в общий коридор, из которого лестница уводила на второй этаж. Старательно не глядя на неё, скользнул на цыпочках к двери в гостиную.

Уф! Без происшествий.

Теперь нужно было ещё не позволить зеркалу обмануть себя, запутать, напугать. Нужно было стать предельно собранным и осторожным. Нужно, чтобы никто не помешал.

Он проследовал через скудно обставленную гостиную в угол. Покосился на шпаги, перекрещенные на стене, под рогатым шлемом. На камин, оскаливший свою чёрную беззубую пасть. Быстро выдавил на ладонь крем из тюбика, принесённого в кармане. Размазал, растёр по лицу, вдыхая запах мяты и кожаного ремня, обволокший лицо. Раскрыл бритву, опасливо держа в стороне от шеи, поглядывая на отточенное лезвие, блекло отразившее тусклый свет трёхрожковой люстры.

Едва поднёс бритву к щеке, как хлопнула входная дверь.

Ну вот, не успел.

В его понимании гостья была далеко не красавицей. Он не любил такой тип женщин – худощавая, смуглая, с чем-то неуловимо испанским в лице и высокомерием во взоре. Такие женщины его подавляли, ему казалось, что они сразу, с первого взгляда, различат всю ту неуверенность, которую он испытывает рядом с ними.

– Здравствуйте, – она бросила на Ллойда оценивающий взгляд. Вот и всё: несомненно она поняла всю его суть. – У вас сдаётся комната.

Ллойд и так знал, что комнаты наверняка сдаются, она могла бы и не говорить ему.

– Здравствуйте, – произнёс он, на всякий случай отводя бритву подальше от себя. – Вы цыганка?

Если она цыганка, ей ничего не светит – хозяин вышвырнет её из гостиницы в две минуты. У него какая– то мания относительно цыган.

Она бросила на него удивлённый взгляд, минуту подумала.

– А что, вы сдаёте комнаты только цыганкам?

– Я их вообще не сдаю, – пожал плечами Ллойд.

– Вот как! – растерянно воскликнула она. – Значит, меня обманули?

– Понятия не имею.

Странная дама. Откуда ему, Ллойд, знать, обманули её или нет.

– Хм, – она недоуменно пожала плечами. – Но это же гостиница?

– Что именно?

– Я спрашиваю, это гостиница? – уже немного нетерпеливо повторила она.

– А я спрашиваю, что именно? Поставьте себя на моё место, – на всякий случай добавил он, чтобы она вдруг не рас-

сердилась. – Поставьте себя на моё место: я же понятия не имею, о чём вы говорите.

– Кажется, я спросила, – чётко и чуть ли не по слогам произнесла она, – является ли вот это заведение гостиницей.

– То есть, вы сами не уверены?

Ллойд задумчиво сложил бритву. Но как бы задумчив он ни был, сложил он её очень аккуратно – двумя пальцами, чтобы случайно не пораниться. Жизнь достаточно учила его на ошибках, которые он совершал. Теперь ей, жизни, было не так-то просто поймать его на незначительном промахе.

– Не уверена? – ошарашенно повторила дама. – В чём?

– Ну-у, – пожал он плечами, – в том, что вы спросили именно это.

И добавил, чтобы избежать недопонимания:

– Вы сказали "кажется, я спросила".

– Бог ты мой! – воскликнула она с беглой улыбкой, за которой, однако, ему почудилось раздражение. – Что за резонёрство! Я задала простой и ясный вопрос. Почему бы не взять и так же просто и ясно на него не ответить.

– Согласен, – поспешно кивнул он.

Теперь она должна понять, что Ллойд отнюдь не насмехается на ней, она должна увидеть соучастие в её судьбе.

Дама подошла к дивану для гостей, стоявшему у стены. Диван был далеко не первой молодости, изрядно потрёпанный жизнью. Ему уже пару раз меняли обивку, но эти косметические операции не могли скрыть его почтенный возраст.

Уселась, заложив ногу на ногу. Ллойд следил за ней, не пропуская ни одного движения.

Она бросила на него быстрый взгляд. Кажется, это был недовольный взгляд. Боже! С этими женщинами никогда не знаешь, чего ждать. Что ни скажи, как ни скажи, обязательно не угодишь. Только бы случайно не попасть в какую-нибудь её болевую точку!

– Почему вы так странно разговариваете? – спросила она. – Каждый раз не понять, что вы имеете в виду...

– Я ничего не имею в виду, – испугался Ллойд. – Ничего такого.

Её брови двинулись навстречу друг другу, словно решили вдруг соединиться на переносице в одну тонкую линию.

– Ну хорошо, – пожала она плечами. И, многозначительно взглянув: – Возле причала у меня остался чемодан.

Да, женская логика – это нечто за гранью добра и зла. Он любил это повторять и с радостью и доброй улыбкой повторил бы сейчас, но гостя явно не была расположена к шуткам и разговорам о половой дифференциации.

– Это ничего, – промямлил он, не зная, как реагировать. – Я много раз забывал на вокзалах свой чемодан. Конечно, вокзал – это в некотором роде не причал, но... Мне рассказали один хороший способ не забывать на вокзалах свои вещи. Очень помогает, хотите научу? Когда отправляетесь в дорогу, нужно просто...

Ллойд не договорил, сник под её взглядом. А она задум-

чиво и вопросительно смотрела на него не меньше полчаса, как ему показалось – настолько странно-неопределённым по своему выражению был её взгляд. На самом деле, конечно, прошло не больше минуты. Тогда, уже достаточно истерзав его нервы, она произнесла:

– Давайте поговорим о другом.

Ну вот, опять эта их излюбленная фраза! Каждый раз одно и то же. Всё по одному и тому же сценарию.

– Я не знаю никакого "другого", – покачал головой Ллойд.

– Что за бред... – произнесла она. – Просто дайте мне ключ и я пойду. Я ужасно устала с дороги.

– Я тоже, – кивнул он.

– Ключ! – она это неожиданно громко и требовательно протянула руку. Словно хотела ударить. Возможно, она даже сделала бы это, если бы её не смутила бритва в его руке. На всякий случай Ллойд спрятал бритву в карман. Мало ли что она может подумать.

– Боюсь, – неуверенно выговорил он, – ни один мой ключ не подойдёт к вашей двери. Видите ли, замки выпускаются, как правило, с уникальной формой...

– Вы что не в себе? – неуверенно пожала плечами гостья.

– А где же я?

Она смерила его долгим взглядом, вздохнула.

– Послушайте, господин... э-э-э...

– Слушаю, – согласно кивнул он, ободряя к продолжению. – Я слушаю, а мой крем засыхает.

– Да наплевать на ваш крем! – неожиданно сердито сказала она, чуть не подпрыгнув, словно и правда хотела плюнуть ему на щеку.

– Нет-нет, спасибо, – поспешно произнёс он, отстраняясь. – Я сейчас смочу его водой и всё будет в порядке.

– Это ваше дело, – устало молвила она.

В её взгляде ему почудилась едва ли ни отвращение. Или даже ненависть. Ну почему, почему он всегда вызывает у женщин такие неприятные чувства?!

– Да, – на всякий случай согласился он. – Конечно, это моё дело. – И добавил осторожно: – Зачем же вы говорите очевидные вещи?

Покачав головой, она отвернулась от Ллойда. Носок её туфли запрыгал, отбивая какой-то неведомый ритм. В ритме чувствовалось лихорадочное недовольство.

Ну что ж... Ну что ж, нужно прекращать странный и неприятный разговор с этой дамой. Она явно не... явно немного не в здравом уме. Лучше заняться делом, лишиться её возможности продолжать терзать собеседника, вынуждая его говорить ни о чём и так, как нравится ей. Хочет выставить Ллойда дураком. А вот не получится!

Он сделал шаг к зеркалу, исподволь заглядывая в его глубины, готовясь раскрыть бритву.

Но она опередила его!

– Послушайте, как вас там... Если бы это был не единственный пансион на этом островке, я бы давно уже ушла

отсюда, от такого... такого неприветливого хозяина. В конце концов...

Ллойд с радостью отвернулся от зеркала, которое уже попыталось втянуть его сознание в свою всё искажающую пучину.

– Да, я тоже! – сообщил он.

– Что? – не поняла она.

– Я тоже ушёл бы отсюда. Но ближайшая гостиница есть только в Кармартене.

– Ближайшая? – недоуменно повторила она. – В Кармартене?! Что за чушь... Вы хотите сказать, что на сто миль в округе нет больше ни одной стоящей гостиницы?

– Ну почему же... Стоящих много. Но лучшая – в Кармартене.

– Я с ума сойду! – неожиданно воскликнула она.

Это он тоже слышал от них, от женщин, довольно часто. Что за странная тяга у прекрасного пола к сумасшествию. Да, профессор Локк говорил как-то, что женский мозг существенно отличается от мужского. Он несовершенен. Мал. И постоянно высыхает. Хотя, нет... Кажется, он говорил, что мужской высыхает быстрее... Или..? Ладно, всё равно сейчас не вспомнишь.

Ллойд серьёзно покачал головой, сделал пару осторожных шагов в сторону гостыи, чтобы придать своим словам больше веса.

– А это не будет опрометчивым решением? – спросил он

многозначительно. – Тут ведь знаете как... Как говорится, семь раз отмерь и только один...

– Послушайте! – невежливо и нетерпеливо перебила она. – Вам не кажется, что хозяину пансиона следовало бы вести себя с постояльцами погостеприимней?! И не разыгрывать перед ними шута горохового!

– Кажется! – затряс головой Ллойд.

Уж с чем, с чем, а с этим невозможно было не согласиться.

– Вы дадите мне комнату, наконец? – процедила она сквозь зубы.

– Нет, – с сожалением отозвался он.

Боже, конечно же он дал бы ей комнату, если бы это было в его власти! Он дал бы ей две комнаты! Лишь бы только она оставила его в покое, не сердилась и не презирала. А то, что она презирает его – совершенно очевидно.

– Нет?! – это прозвучало уже угрожающе.

От такой экспрессивной дамы можно ожидать чего угодно. А если она кинется в драку? А он попытается закрыться руками. А в руке у него – бритва!

Ллойд торопливо убрал бритву в карман.

– Увы, – произнёс он нерешительно. – Я не могу дать вам комнату. Хозяин этого не одобрит. А он, знаете ли, очень крупный и грубый человек. Этаким настоящим мужлан. Не удивлюсь, если окажется, что он бьёт своих постояльцев.

– Подождите, подождите... – замерла она на месте. – То есть... вы не хозяин этой гостиницы?

– Ни этой, ни какой-нибудь другой. Я Ллойд. Я не Пирс Маклахен.

Она заворожённо смотрела на него некоторое время, прежде чем рассмеяться. Она смеялась, хохотала, ржала! Долго.

– Ой, не могу... – произнесла наконец. – Какая глупая ситуация! Простите, простите меня... Но почему бы вам сразу не сказать, что вы не хозяин?

– А разве вам это интересно? – пожал он плечами.

– То есть?

– Ну-у, – попытался он объяснить, – если бы вам было интересно, вы бы спросили. А хозяин ли я. Но вы не спросили.

Она закатила глаза, снова падая на диван.

– Ой умора! С вами невозможно разговаривать! Какой вы смешной, право слово. Давайте лучше перестанем, пока я не умерла от смеха.

– Давайте, – охотно согласился Ллойд, доставая из кармана бритву.

Он вздрогнул и поёжился, когда холодная сталь коснулась кожи. Вернее, не кожи, а корки засохшего крема, через которую острота бритвы едва-едва угадывалась. Ах, да, он так и не смочил щёки!

– Вы всегда бреетесь в кепке? – спросила дама то ли удивлённо, то ли насмешливо.

– Со вчерашнего дня, – довольно ответил он, любуясь новеньким головным убором. И даже лукавое зеркало ниче-

го не могло поделаться: Ллойд себе понравился. Профессор в очередной раз оказался прав.

– А где же хозяин? – поинтересовалась гостья.

– Пошёл вешать собак, – отозвался Ллойд, открывая воду.

– Что?! – в ужасе воскликнула она. – В самом деле?! Вы видели?

Сначала Ллойд испугался её страха – он ведь совсем не хотел никого напугать. Потом почувствовал некоторое превосходство: значит, он тоже может заставить её растеряться!

– Да, – кивнул он и постарался как можно точнее передать интонации Пирса Маклахена, хозяина: – Чёрта с два у них получится утопить меня! Нашли козла отпущения! Да я повешу на них всех собак!

– Ужас какой! – прошептала дама.

– Видели бы вы его лицо при этом! – добавил Ллойд, размачивая кремовую корку на щеках.

– Послушайте, а поблизости правда нет больше ни одной гостиницы?

– Есть, отчего же, – кивнул он. – В Кармартене.

– Но это же больше ста миль! Даже не смешно.

– Нисколько, – согласился Ллойд, аккуратно проводя бритвой по щеке. – Я жил там прошлый год, когда проходил курс в клинике профессора Локка. Мне не было смешно, вы верно подметили.

– Локка? – она наморщила лоб, вспоминая. – Хм... Не слышала о такой клинике. Хотя живу под Кармартеном.

Ллойд пожал плечами. Это неловкое движение стало причиной того, что бритва охотно врезалась в кожу, причиняя невероятную боль. Опять, опять она обманула его!

– Ах ты ж!.. – досадливо поморщился он. – Порезался. Я всегда режусь на этом месте. В смысле, не здесь, перед умывальником, а на клинике профессора Локка. Всегда, всегда!.. Вот, уже и кровь пошла.

– Странный вы какой-то, право, – улыбнулась дама.

Ллойд передумал бриться. Морщась от боли, он торопливо смыл с лица остатки крема.

– Странный?.. – говорил он при этом. – Ну, не знаю. Возможно, так получилось. А клиника профессора Локка открылась совсем недавно, лет сорок тому... Неудивительно, что вы о ней не слышали.

К счастью, он не видел, как вытянулось лицо незнакомки при этих словах, а то порезался бы ещё раз, несмотря на то, что держал бритву на отлёте, на вытянутую руку.

– Это очень хорошая клиника, – продолжал он, протирая лицо полотенцем. – Мне там здорово помогли. У меня было уже три курса. Каждый год – два. Теперь приступы случаются крайне редко.

– Приступы?.. У вас сердце? Желудок?

Ллойд недоуменно взглянул на свою собеседницу. Всё таки, женщины – странные существа.

– У меня и то и другое, – позволил он себе усмехнуться. – В желудок я ем. А сердце стучит – тук-тук... тук-тук...

тук-тук... Я иногда его слышу. Говорят, это плохо. Нельзя слышать своё сердце, если оно здорово. Так что, возможно, сердце у меня тоже больное.

– Я хотела спросить о вашей болезни, – пояснила дама.

– Ну, спросите, – согласно кивнул он.

– Я уже спросила.

– Не слышал, простите. Повторите, пожалуйста.

– У вас серд... Э-э... Что у вас болит? От чего вы лечитесь у профессора Локка?

– Болит у меня душа, – охотно объяснил Ллойд. – А у профессора Локка я лечусь от болезни души.

– Что? – дама бросила на него быстрый взгляд. Ллойд часто замечал на себе такие же вот странные взгляды.

– Я говорю, что у меня болит душа, – повторил он. – А у профессора...

– Да-да, – торопливо кивнула она. – Я уже поняла.

Ллойд забросил полотенце обратно на плечо, всем телом повернулся к ней. Наконец-то хорошенько её рассмотрел. Да, не красавица, не в его вкусе, но... есть в ней что-то...

– Странная вы какая-то... – пробормотал он.

3. День первый. Меган Маклахен

Меган Маклахен была вошью. Нет, не буквально, конечно, а по определению судьбы. Сама она никогда не задумывалась над такими вопросами, как: вошь ли она, насекомое ли вообще, в чём её смысл. На все эти вопросы давно ответил муж. Да, Меган Маклахен – вошь. Разумеется, она насекомое, причём очень ленивое и довольно бесполезное. А вот смысла-то в ней никакого и нет! Она приняла эти ответы, как свои собственные, довольно быстро и безболезненно, особенно после того, как не родился их первый ребёнок, а потом умер второй, не прожив и недели. А потом она вообще не могла зачать. Какая польза в бабе, которая не может нормально родить? Да никакой, понятное дело.

Став вошью, оторвавшись от мира людей, Меган быстро и незаметно для самой себя состарилась, прожив жизнь на острове – во всех смыслах сказанного. Мир для неё стал островом, остров стал её миром. Пирс Маклахен стал её мозгом, глазами, ушами и судьбой.

Короткое и страшное – пожалуй, больше всего страшное именно этой рубленой краткостью – слово "война" она старалась не произносить и не слышать. К сожалению, Пирс Маклахен не мог ни дня провести без радио, поэтому проклятое слово было постоянно на слуху, то и дело вторгалось на её остров.

Войну она представляла смутно. Если бы не самолёты, которые вдруг замельтешили туда-сюда, если бы не радио, если бы не военные корабли, иногда проходившие совсем рядом, Меган так бы и умерла в неведении – столь же незаметно для себя, сколь и состарилась. Но война не давала покоя Пирсу Маклахену. А значит, и ей тоже.

Все эти китайцы, русские, индийцы, японцы и прочие, о которых то и дело упоминало радио, представлялись ей однообразной неразборчивой массой, этаким морем, которое вот-вот вытеснит настоящее море, то море, которое она хорошо знала и даже любила, но которого всё же боялась. Сейчас эта человеческая масса была где-то далеко, она неумолимым и страшным прибоем накатывала на сушу – на неведомые Меган государства со смешными названиями вроде Польши или Алжира. Но страх, который излучала эта сила, летел далеко впереди неё – он уже добрался до Англии, превратив её в растревоженный муравейник, до Уэльса, до её острова. До – страшно сказать! – Пирса Маклахена, её неустрашимого хозяина, который при необходимости мог плюнуть и на весь мир, а не только на каких-то никому не ведомых китайцев.

Вздыхнув, она отставила блюдо, полное натёртого картофеля, и выглянула в окно, вытирая руки о старый серый передник.

Дамочка. Статная. Запыхалась от подъёма. Городская, что с них возьмёшь, с городских. Удивительно, что без вещей.

Беженка, может. Но у беженки денег-то вряд ли хватит на постой. А то хорошо бы – хоть поговорить было бы с кем. С хозяином-то шибко не наговоришься: у него разговор короткий, как слово "война", и такой же обрывистый. Сказал – сделай. Не сделала – получи. Ох, грехи наши тяжкие!..

А с дамочкой поговорить было бы любо. Новости узнать. Что там, в городах и как. Городскую жизнь Меган не знала совершенно, да как-то никогда и не была эта жизнь ей особо интересна. А вот под старость лет любопытной стала. Да и посмеяться вечерком, перед сном, над городскими глупостями – отчего же не посмеяться. Не так уж много смеха в её жизни.

Пришлось потерпеть четверть часа, пока варился соус – не бросить же его на полуготовности, это ж всё равно что вылить.

Присыпала мукой натёртый картофель, накрыла салфеткой (эх, почернеет же, вот получит она тогда!), бросила в мойку тарелку и нож, сгребла в мусорное ведро очистки. Одним глотком допила остававшийся в кружке эль, бросила кружку туда же, в мойку и засеменила к двери.

Вспомнила, охнула, вернулась. Быстро ополоснула кружку. Пшикнула в воздух из баллончика антистатика для белья, чтобы перешибло запах эля. Не дай бог зайдёт хозяин и учует пивной дух – быть тогда беде. Хотя все беды уже перепробованы и привычны давно, однако каждый раз она очень их не хочет.

Выйдя из кухни, Меган бросила косой взгляд в полумрак коридора, чтобы убедиться, что хозяин не сидит на своём излюбленном месте – на скрипучем стуле у маленького узкого оконца, выходящего на сторону Скомера, как раз на маяк.

Войдя в гостиную, увидела, что там уже Ллойд – постоялец со вчерашнего дня. Ллойд был ей неинтересен и жалок, потому что она своим простым не изошрённым умом, а точнее внутренним каким-то чувством, сразу, с первого же слова и взгляда определила в нём дурачка. То есть не просто дурачка чья пустая голова не содержит в себе ничего, кроме ветра, а – дурачка настоящего, чей разум помутнён и иссушен болезнью.

Дурачок стоял у раковины, с полотенцем на плече, и зажимал окровавленным пальцем тонкий порез на щеке.

– Странная вы какая-то, – пробормотал он дамочке как раз, когда Меган ступила в гостиную. А бледные глаза его (голубые они у него до бледности) смотрели на дамочку с испугом и, похоже, восторгом. Чему Меган и усмехнулась сразу внутренне.

– Добрый день, мадам, – обратилась она к сидящей на диване гостье.

– Я не замужем, – ответствовала та.

Станный ответ вообще-то. Меган, вроде, ничего ещё не спрашивала про её семейное положение. Ну, не замужем, так и радуйся, голубушка!

– Ну и не расстраивайтесь, – сказала она вслух. – Какие

ваши годы! Успеете ещё в эту кабалу.

– Нам-то какое дело, – пробормотал себе под нос в то же время пришибленный.

– А вас не спрашивают! – почему-то огрызнулась в его сторону дамочка. Видимо, они уже успели тут немного поговорить. А с этим умалишенцем разговаривать – это ж дело не простое. Уж Меган-то знает, попробовала один раз. Ничего хорошего не получилось. Вот у хозяина – у того получается. Но у него со всеми разговор короткий, а что не по нему, так ведь может и...

– Неправда! – с жаром возразил Ллойд. – Спрашивают. И довольно часто. Сколько времени, например. Или как пройти к Махоган-сквер. Зачем же вы говорите, если не знаете!

– Я всего лишь хотела сказать, что я не мадам, а мадемуазель, – устало произнесла гостя. И взглянула на умалишённого сердито. Сердито, но вроде как и со смехом.

– Ну и сказали бы, – немедленно снёсся тот. И продолжал наставительно: – Всегда нужно говорить то, что хочется. Зачем отказывать себе в подобных мелочах? Так говорит профессор Локк.

– Да какое мне дело до вашего Локка, странный вы человек! – вспылила дамочка.

Ох, видно допёк её уже постоялец. Когда успел только!..

А та уже обратилась к Меган:

– Вы, наверное, жена хозяина пансиона?

– Да нет, – покачала головой Меган. – Что это вы говори-

те... Я жена Пирса Маклахена.

– А-а, – кивнула барышня. – А Пирс Маклахен – это..?

– Он хозяином в этом отеле, – с серьёзной гордостью известила Меган.

Гостья отреагировала как-то странно. Она почему-то выпучила свои красивые зелёные глаза и какое-то время переводила взгляд с Меган на Ллойда и обратно. Потом выдавила в замешательстве и с удивлением:

– Он хоз... В этом... Отеле, вы, сказали?

– И не вздумайте при хозяине назвать этот отель пансионном! – вмешался умалишенец. – А не то он вас поколотит.

– Бог мой! – воскликнула дамочка.

– Бог – общий, – возразил дурачок.

Гостья даже не взглянула на него, дав тем самым понять, что он её уже изрядно утомил. Она обратилась к Меган:

– Значит, вы можете устроить меня, раз вы жена хозяина?

– Устроить? – испугалась Меган. – Ой, нет... Нет!

Да только попробуй она кого-нибудь устроить... Ещё неизвестно, что сделает с ней хозяин за те две комнаты, на которые она отправила будущим постояльцам бронь. Страшно представить. Господин Маклахен не любит, когда что-то решают без него.

А всё из-за любви Меган к элю! После четырёх кружек этого замечательно, густого и пенистого напитка ею овладела такая лёгкость мысли, такая свобода воли, что она почти не думая, отправила брони. Дура! Вот жди теперь...

– Что значит – нет? – удивилась гостья.

– "Нет" означает, что я не могу вас устроить. Без мужа никак не могу.

– Бог мой! – воскликнула дамочка.

– Бог общий, уверяю вас, – осторожно вставил юродивый.

– Да отстаньте вы, несносный! – дама прожгла его разъярённым взглядом. И к Меган: – Без мужа... В объявлении не было написано, что комнаты сдаются только семейным парам...

"Странная какая-то дамочка, – подумала Меган. – Кажется, недалеко она ушла от этого, от убогого-то".

– Без хозяина не могу, – пояснила она на всякий случай. – Комнатами заправляет господин Маклахен.

– Что за дыра! – покачала головой приезжая. – Гарри, Гарри, какой же ты...

– Ничего, привыкнете, – попытался успокоить её Ллойд. – Я здесь уже второй день. И уже привык. Здесь, ко всему, очень хорошо. Профессор Локк был прав, когда говорил, что мне поможет смена обстановки.

– Смена обстановки? – дамочка уставилась на умалишеница. – Так вы... вы не беженец?

– Я не беженец, – отвечал тот. – Профессор Локк сказал, что мне следует пожить на природе, на каком-нибудь острове. В новой кепке... Чтобы переосмыслить и начать заново. Я выбрал этот. Остров. А вы чем болеете?

– Я не болею! – вспыхнула дама. – С чего это вы взяли?

– Что именно взял? – опешил Ллойд. – Если вы о... если вы о бритве, то это *моя* бритва. Я привёз её с собой. Вот, вам и хозяйка подтвердит.

– Евошняя, евошняя бритва, – охотно подтвердила Меган. – Мистер Маклахен такими не бреется.

– Да при чём здесь бритва-то! – пожала плечами гостья.

– Понятия не имею, – отозвался Ллойд. – Это же вы спросили.

– Кошмар! – выдохнула дама то ли со стоном, то ли с подавленным смехом.

– Как ваше имя? – поинтересовался Ллойд.

– Беатрис меня зовут.

– Зовут?.. Ну а имя ваше как?

Она посмотрела на него, как на дурака. Дошло наконец-то, с кем связалась!

– Вы издеваетесь? – медленно процедила она. – Я же сказала: Беатрис.

– Где вы живёте? – не отставал Ллойд.

– Какое вам дело! Я не могу с вами разговаривать. Вы несносны. Вы всё переворачиваете с ног на голову. Уйдите от меня!

И сама отошла, повернулась к нему спиной, оборотясь к Меган.

– Если вы немедленно не поселите меня в комнату, я сойду с ума! Я умру! Я смертельно устала с дороги. Я шесть часов тряслась в поезде и...

– Кто вас так напугал? – снова вмешался умалишённый.

– Дайте, дайте мне ключ, умоляю вас! – воскликнула гостья.

Меган испугалась. Угроза сойти с ума, конечно, не выглядела серьёзной, но то, как эта дама говорила, умоляюще протягивая к Меган руку...

Меган давно, очень давно вышла замуж. Из глухой деревни – на остров, на кухню, в огород. Как-то так сложилось, что ей было всё не до людей, не до разговоров, не до жизни. А эти городские – они вообще будто с луны попадали, со странностями все. Пойди пойми их, о чём они там думают, чего хотят. И разговоры у них чудные и одеваются как не пойми что такое.

– Ох... – вздохнула она. – Ключ-то я вам дам, раз уж вы так хотите...

– Очень хочу! – радостно воскликнула дамочка.

– Только не от комнаты, – продолжала Меган, покачивая головой.

– Не от ком... – опешила гостья. – А от чего же?

"От чего бы ключ ей дать? – подумала Меган. – Чтобы не ошибиться-то... Ох, лучше бы ни от чего не давать... Убьёт же хозяин..."

– От чулана, – произнесла вслух первое, что пришло в голову.

– От чулана, – тускло повторила дамочка. И потом, яростно: – Что?! Вы предлагаете мне жить в чулане?!

– Да разве ж я предлагала, – испуганно развела руками Меган. – Там нельзя жить. Там у нас припасы хранятся, посуда... Инструменты. Нельзя чтобы что-нибудь пропало... Побудете там, покуда хозяин всё не решит, отдохнёте с дороги.

Гостья сжала лицо руками и, застонав, опустилась на диван. Кажется, она готова была заплакать.

Скажи-ка, нервная какая! Все вы, городские, такие. Нервные все, взбалмошные, нетерпеливые. А ещё война эта мозги вам посвихивала... Ох, грехи наши тяжкие!

4. День первый. Пирс Маклахен

Никаких пансионатов! Слышите, вы, чёртовы дети, никаких пансионатов нет на этом острове! Была когда-то на северной окраине небольшая рыбацкая деревенька, говорят. Но её уж лет сто как нету. И пансионатов нету. Ни одного, говорю я вам! А вот отель – есть, да. Отель "Остров". А Пирс Маклахен – его хозяин.

Гостиничный бизнес – прибыльное дело, а кто с этим станет спорить, тот неисправимый идиот. Вошь. А со вшами у Пирса Маклахена разговор короткий – к ногтю.

Но это раньше так было, ещё три месяца назад так было. А нынче... Эта чёртова война, которую придумали все эти прокажённые китайцы, волосатые злобные русские и сонные индийские йоги, поставила на гостиничном бизнесе крест. Нет, с одной стороны должен бы наступить его расцвет, поскольку цены на жильё растут с каждым новым разрушенным бомбёжкой домом. Но с другой стороны – цены на жратву и медикаменты растут на порядок быстрее. На аптеку-то ему, Пирсу Маклахену, плевать – здоровье у него дай бог каждому. А вот жрать хочется каждый день. И не столько самому, сколько постояльцев нужно кормить.

А постояльцев вот-вот станет видимо-невидимо, он чувствовал это, предвидел, предвосхищал. Уже потянулись беженцы на Скомер, на Грасхольм – вон, их каждый день де-

сятками туда паромят. Невдомёк им, бестолочам, что на крошечном Гире тоже отель есть. Не гостиница какая захудалая – отель! Два раза уже он не поскупился на рекламу в газете и даже на радио, придурку Джонсу, объявление дал. И – ничего. Две сотни фунтов псу под хвост. Один только этот тошнотик свихнувшийся и приехал. Пирс поступил мудро – он не стал давать ему комнату, а поселил в прачечной, почти за ту же плату. Дураку и так сойдёт, а лишняя комната окажется свободной в нужный момент.

Ничего, ничего, первого июля узкоглазые обещали ядерный удар по Англии нанести, если та не сдастся. Вот тогда уж никуда они (клиенты, по-научному) не денутся – побегут, повалят с насиженных мест. А куда им бежать, как не на острова? А тут, на острове, в своём "Острове" будет ждать их он, Пирс Маклахен. "Что, животные, бежите? Ну давайте, давайте, располагайтесь... По стойлам, я сказал вам! По стойлам! Эй, куда лезешь, чёртов оборванец?! Что-о? Комнату тебе? А в столярке не хочешь пожить?.. Не хочешь? Ну так и вали отсюда; проваливай обратно на материк, под узкоглазые бомбы!.. Что ты там бормочешь?.. А-а, ты всегда мечтал пожить в столярке – там так вкусно пахнет опилками? Ну так в стойло, чёртов сын, в стойло! Двадцать фунтов сутки. А что ты хотел, вошь, такие нынче времена. Да не трясись ты так над своими фунтами – они тебе всё равно больше не понадобятся. А пот Пирсу Маклахену – глядишь и пригодятся".

Только для всего этого надо, чтобы чёртова Англия не сдалась. Пока, вроде, не собирается – всё надеется, что ей дядя Сэм поможет. А штаты притихли, молчат в тряпочку – выжидают, смотрят, чем всё в Европе закончится. Вот когда тут китаёзы всё поразвалят да сами ослабнут, вот тогда дядя Сэм и придёт на выручку. Выручать себе всё, что от других осталось.

Ядерный удар – это, конечно, дело рисковое. Пирс Маклахен никогда не озадачивался такой дрянью, как современное оружие, война и всё подобное. Но тут уж пришлось поинтересоваться, чем эти чёртовы ядерные удары грозят. Рисковое оказалось дело, рисковое. Не так уж далеко Гир от большой земли. А если китаёзы маху дадут и одна ракета возьмёт чуть в сторону, так они тут вообще свариться могут в море, как кильки – хоть в банку закатывай. Ну так ведь никто и не обещал, что всё будет так, как тебе удобно. Риск – он всегда есть, в любом деле. А всяко разное, тут, на острове, шансов выжить больше. А потому некуда им деваться, вшам – потянутся они сюда, не сегодня так завтра, все эти очкастые, бледные, прыщавые городские глисты в обмотках. Повезут Пирсу Маклахену свои денежки, золотишко, вещички.

А там ведь ещё какой момент... Война – она ж дело такое: без жертв среди мирного населения не бывает. Кто-то приболеть может, кто-то в уныние впасть и утопиться, кто-то кого-то убьёт ненароком... Ну, вы понимаете... Разумеется, Пирс Маклахен тут будет ни при чём. Просто такова жизнь,

таковы уж людишки – месиво это вонючее, черви, слизи...

Людей Пирс Маклахен не любил. Да что там! Он их ненавидел.

Он не помнил, всегда ли так было. Да, собственно, и не пытался вспомнить – не до того ему как-то. Наверное, никогда особой приязни к человеческой массе не было места в его суровом сердце.

Иногда он пытался, сидя на скрипучем стуле у небольшого узкого оконца, выходящего на скомерский маяк, покуривая самокрутку, вспомнить себя молодым. И не мог. Как будто никогда им не был, а родился сразу пожилым хозяином отеля "Остров". Да, время на острове не имеет никакого значения, никакой власти у него нет. А уж над Пирсом Маклахеном – и тем более.

Он не мог вспомнить себя даже тридцатилетним. Кажется... Или ему тогда было уже сорок? Когда эта чёртова цыганка, эта тварь...

Нет, не стоит вспоминать, а то он опять начнёт яриться...

Пирс Маклахен потянулся, задумчиво погладил, похлопал тёплый коровий бок. Моуи ответила нежным вздохом.

– Ладно, – вздохнул и он, поднимаясь с низкого стульчика, на котором по утрам доил свою коровку или просто сидел, когда приходил поболтать, – пойду я, пожалуй. Посмотрю, что там эта дура делает. Наперёд ведь знаю, что бросила картошку и возле радио торчит, дрянь такая. Или за этим чокнутым подглядывает.

Моуи мотнула рогатой головой, покосилась на него со всем согласным глазом. Он почесал жёсткий курчавый лоб, похлопал Моуи по крупу. После тихого общения с коровой в душе старого Пирса Маклахена всегда наступало умиротворение. Недолгое, правда. Если бы не все эти вши, которые без доброго пинка как без сладкого, жизнь у него была бы совсем другая.

Хорошенько притворив дверь коровника, Маклахен оглядел остров. Последнее время это зрелище не приносило удовлетворения. Лето нынче стояло бессолнечное, небо всё больше хмурое. И дождя-то нет, а постоянно будто тучи на небе – всё затянуто серым. Трава жухнет – хоть берись и поливай. Сено закупать придётся нынче. Сроду ещё такого не бывало!

Прошёл через заднюю дверь. На минуту приостановился в коридоре, у любимого окна, чтобы взглянуть на маяк... Работает. Когда перестанет работать, – он знал это, – случится что-то неправильное. Что-то ужасное. Хотя он представить не мог, что такого ужасного может случиться, но при одной мысли о погасшем маяке по спине пробегал озноб...

В кухне, как он и думал, жены не было. Кто бы сомневался!

Воняло химией. Какого чёрта она делает с кухней? Почему здесь так часто смердит этой дрянью? Она говорит, что моет пол с какой-то добавкой от глистов. Сама ты глиста!

Увидев на столе таз, накрытый салфеткой, быстро по-

дошёл, откинул полотно. Ну конечно! Ах ты ж дрянь такая! Картошка уже вся серая. Ну подожди, подожди, я тебе устрою!..

Когда он ступил в гостиную, на диване сидела, закрыв лицо руками какая-то девка. Тут же стоял обалделый постоялец со своей дурацкой рожей.

Благоверная, едва он вошёл, сразу съёжилась, осела, как перекишная опара. Глазёнки забегали по лицу Маклахена, пытаюсь угадать настроение и понять, знает ли он уже про картошку. Знаю, чёртова ты вошь, знаю. Подожди...

– Какого чёрта?! – громогласно спросил он.

Это был его излюбленный вопрос. Какого чёрта?! Попробуйте-ка вразумительно ответить. Когда он внезапно бил этим вопросом супруге в лоб, та сразу же признавалась ему во всех грехах, в которых ещё не покаялась.

Эта пигалица убрала руки от лица, повернулась, воззрилась на него. Поджарая, смуглая, черноволосая... А ты не из этих ли? Не цыганка ли ты?

– Я не виновата! – простонала Меган.

"Это я тебе потом скажу, виновата ты или нет. Я тебе так скажу!..."

– А нельзя ли выражаться поприличней? – сурово произнесла девка, смерив его с головы до ног холодным взглядом.

Ты чего это, курица, а?! Ты чего это?.. Подожди, смуглянка, это ты ещё не поняла, куда попала. Сейчас Пирс Маклахен тебе объяснит. Сейчас...

Чокнутый принялся тереть полотенцем щёки и быстро, в обход хозяина, попятился к двери. Исчез за ней, тихонько прикрыв за собой. Шагов его по коридору слышно не было – он, наверное, осторожно, на цыпочках удалился. Или стоит за дверью? Прислушивается? А если я сейчас пну дверь, чёртов ты сын?!

Ладно, сейчас не до дурака. Надо укоротить эту новоявленную воспитательницу.

– Ты можешь выражаться как хочешь, – бросил он, глядя ей в глаза. – Но лучше тебе вообще никак не выражаться, пока тебя не спросят. Я тебе очень это советую, если ты рассчитываешь получить комнату в моём отеле.

– "Ты"?! – возмущённо произнесла она.

– Не я, а ты, – повысил он голос и мысленно добавил: "Дура!".

– "Отеле"? – упиралась она.

– Тебе не нужна комната? – спросил он, уловив в её голосе оттенок насмешки.

– Нужна, – произнесла она помедлив и уже без всякой задиристости. То-то же!

– Ты цыганка?

– Что? – она опешила, задумалась.

Как пить дать, цыганка. Чего бы ещё ей тушеваться и опускать очи долу.

– Ну?! – рявкнул он.

– Я не цыганка! – отозвалась она. А в глазах неуверен-

ность.

Он демонстративно оглядел её с головы до ног, как она его минуту назад. Знай, кто здесь хозяин, чёртова кукла!

– А не врёшь? Есть в тебе что-то...

– Ничего, кроме мяса и костей, – дерзко бросила она.

– Ну-ну, – усмехнулся Маклахен. И повернулся к жене: – Ты дала ей ключ?

– Нет, господин Маклахен, – с готовностью произнесла та. – Я же помню, что вы не велели.

– Я велел, дура! – рявкнул он. – Запомни, чёртова курица: я велел! Ве-лел, понятно? Я велел никому не давать комнат без моего ведома. Это *мой* отель.

– Конечно, это *ваш* отель, господин Маклахен, я помню, – пролепетала Меган. – Конечно я помню! Она просила ключ, но я не дала!

– Просила? – повторил Маклахен, снова переводя взгляд на девицу, уничтожая её этим взглядом, разрывая в клочья, топя её в пренебрежительном презрении.

– От чулана, – услужливо кивнула жена.

– Послушайте... – произнесла было гостья, но теперь Маклахен не удостоил её взгляда.

– Она просила ключ от чулана! – повторил он удивлённым и осипшим от ярости голосом.

– Да, сэръ, именно так, от чулана.

– Прыткая какая, надо же! – саркастически усмехнулся он в лицо девке.

– Городская, – угодливо улыбнулась жена. – Городские они все такие шустрые.

Ты можешь сколько угодно подсеять, но за брошенную картошку ты ещё получишь...

– Послушайте, всё было совсем не так, – снеслась девица. – Зачем же вы обманываете, миссис Маклахен? Я всего лишь сказала, что...

Чёрта с два Пирс Маклахен будет слушать твой жалкий лепет!

– Если каждая приезжая ушлая пройдоха будет просить у меня ключ от чулана, – заглушил он её тонкий голосок, – то я, пожалуй, разорюсь в неделю.

– Я не просила!

– А впрочем, – плотоядно усмехнулся он, – почему бы и нет... Если она так любит чуланы...

– Но я не люблю чуланы, – уже испуганно произнесла гостья. – Там мыши!

– Да что она себе позволяет, эта мадам! – затрясла губами Меган Маклахен.

– Я мадемуазель, – безнадёжно вставила та.

– Мыши в моём чулане?! – ярилась Меган.

– В чём чулане? – холодно оборвал её Пирс Маклахен, едко прищурившись.

– В вашем! – быстро отозвалась жена. – Простите, мистер Маклахен, конечно же в вашем. Откуда мыши в вашем чулане, хотела я сказать.

– Ага... – кивнул он. – Ну что ж, раз ей так нравятся чуланы...

– О нет! – восторженно вскрикнула приезжая. – Нет, я терпеть не могу чуланы.

– Ишь какая! – ощерилась Меган, заглядывая в лицо мужу. – Посмотрите-ка, сэр! Мы так ей противны! И чулан-то наш ей не чулан...

– О, бог мой! – девчонка снова была готова заплакать.

Вот так тебе, курица! А ты что думала... Пирсу Маклахену твой гонор здесь показывать не надо. Ты свой гонор спрячь подальше покуда. А то ведь...

– Поселишь её в чулане, – коротко бросил он жене. – В том, что в северном крыле.

– Да, господин Маклахен, – кивнула Меган.

– Вы с ума сошли? – взвизгнула эта доходяга, подсакивая с дивана. – Как вы обращаетесь с гостями?!

– Я тебя в гости не звал, – парировал Маклахен. – А со своим уставом в чужой монастырь не ходят. Ступай так что.

– Но я не могу жить в чулане, – упиралась девчонка. – Я человек, а не... не мышь!

– Ещё один намёк на мышей и я за себя не отвечаю! – пригрозил он, внутренне хохоча над этой куклой. А то ишь ты какая она была: "Не могли бы вы выразаться..." Ты ещё не слышала, как я могу выразаться, чёртова ты кукла. В чулан!

– Какова нахалка! – быстро подхватила жена. – Нет, вы посмотрите на неё! Идёмте-ка, милочка, я отведу вас в вашу

комнату, хе-хе.

И быстрый взгляд на мужа: ну, как я её? Я молодец, правда?

– О, боже! – обречённо произнесла пигалица, всплеснув руками. – Господи, что же мне делать?! Но... Но вы хотя бы поможете мне принести чемодан? Я оставила его там, у причала. Он весьма тяжёл и...

– Что-о?! – взревел Пирс Маклахен.

– Хамка! – прошипела Меган. – Какая наглючка! Ишь они, городские, какие... Привыкли там у себя людьми помыкать...

– Хорошо, – обречённо произнесла девчонка. – Хорошо, я поняла. Может быть, я попрошу вашего постояльца. Спасибо.

Вот так-то, курица ты оципанная. Где теперь твой горн-то, а? "Спасибо"... Подожди, ещё кланяться будешь и сапог целовать, кукла бесполезная!

5. День первый. Нид Липси

Почему уход жены всегда оказывается таким внезапным? Даже если ты давно к нему готов, если всё уже восемь раз обсуждалось, ты предупреждён, а значит – вооружён, всё равно: всё равно ты оказываешься на берегу после внезапного кораблекрушения, совсем один, оглушённый, мокрый, жалкий, ничего не понимающий.

Может быть, у других это бывает иначе, но у Нида Липси каждый раз было именно так. Только не надо думать, что Нид Липси – этакий кузнечик, попрыгунчик по жизни, прыгающий от одной женщины к другой – отнюдь. Четыре брака – это ещё не повод думать о человеке плохо, хотя, – не исключено, – это причина задуматься о том, что в человеческом обществе что-то устроено не совсем правильно.

Отрадой Нида Липси по жизни были не женщины; во всяком случае, главным образом не они. Отрадой Нида Липси были: трубка, бридж, логика и хорошее настроение. Последнее было не врождённым, а благоприобретённым – своеобразным следствием философского взгляда на жизнь, воплотившегося в целом своде правил, записанных каллиграфическим почерком в нескольких записных книжках и тщательно пронумерованных.

Липси не мог бы точно сказать, какая из бывших жён любила его больше. Впрочем, он вообще не был уверен, что ка-

кая-нибудь из них (кроме первой, разумеется) его любила. Более того, он даже не мог бы с уверенностью утверждать, что сам любил хоть одну из них (кроме первой, конечно). Он слышал, что бывает иначе, что иногда вторая или третья, и так далее, любовь оказывается самой значимой, но это был не его опыт – костюм повторных браков не пришёлся ему по размеру, и чем дальше, тем неказистей оказывался пошив.

Но как бы то ни было, четвёртый развод оказался для него таким же громом среди ясного неба, как и первый. Потом он несколько дней лежал на берегу, смотрел на уже спокойное после минувшего шторма море жизни и не мог сообразить, где он и что ему дальше делать. И лежал бы ещё неделю, если бы корабли и подводные лодки азиатов не принялись ровнять с землёй Уитби. На это им понадобилось всего-то полдня.

Липси не любил войну. Разумеется, мало кто любит войну, но Липси особенно её не любил. По крайней мере, ему так казалось.

Возник вопрос, куда бежать. Остаться в разрушенном городке и ковыряться в обломках прошлого не было ни смысла, ни желания. Вопрос был решён быстро: Уэльс давно манил его в родные пенаты. Собственно, родные пенаты были проданы давным-давно, поэтому остро вставал вопрос о жилье. Правительство, которое грозились компенсировать потерянное в войне имущество, не торопилось исполнять свои обещания. Оно и понятно: где правительству на-

браться столько денег! Экономика просто не поспевала за успехами китайцев в разрушении мира.

Посчитав оставшиеся после развода средства, он понял что хватит их в лучшем случае на аренду собачьей конуры где-нибудь на задворках родного Пембрукшира, у не слишком прижимистого фермера. Поэтому, когда, приехав в милый сердцу Милфорд-Хейвен, Липси услышал по радио рекламу отеля "Остров" с прямо-таки смешной ценой за комнату, он ни минуты не сомневался: Бог не оставил его, несмотря на все его прегрешения и сумятицу войны. Липси позвонил по указанному телефону и через два дня ему пришёл по почте жёлтенький листок – бронь. Со смешной записью: "Остров Гир, Маклахен-холл, отель "Остров", *йужная* часть, комн~~ы~~та з гордений".

На паром он опоздал. К счастью, почти следом за паромом собирался отчалить небольшой катер на Грасхольм – хозяин какой-то тамошней забегаловки вёз домой запас продуктов. Липси удалось напроситься пассажиром.

– Хм, – произнёс Кол, хозяин катера, когда Липси рассказал ему, куда и зачем направляется. – Я тебе так скажу, приятель: давай-ка ты лучше на Грасхольм, ей бо. Гостиница или там подворье тебе, можа, чуть подороже встанет, но зато... – и замолчал, жуя губами.

– Но зато – что? – уточнил Нид.

– Да то, – отмахнулся Кол. – Если не послушаешь меня, потом поймёшь. Да только поздно будет, ей бо, точно тебе

говоря.

Радужное настроение Липси слегка омрачилось от этих смутных намёков, но калькулятор, работающий в мозгу, подсказывал, что "чуть подороже" его кошелёк может не потянуть.

– Ну, я думаю, хозяин не убийца хотя бы? – попытался он разговорить своего капитана.

Но тот не произнёс больше на эту тему ни слова, а только потягивал из бутылки "Гиннесс" да распространялся на тему ультиматума, который поставили Англии китайцы. И только уже высаживая Липси на причал острова Гир, обмолвился:

– Хозяин-то "Острова", Маклахен... Пирс этот... Он того, ей бо...

И повертел пальцем у виска.

– Чего – того? – крикнул вслед отплывающему катеру Липси, чувствуя себя обманутым и на грани чего-то страшного. – Сумасшедший, что ли?

– Проклятый он... – донеслось с кормы.

– Ага... – задумчиво пробормотал новоявленный обитатель острова Гир. – Ага... Вот оно что, значит... Проклятый...

– Ну и ладно, – успокоил он себя, поразмыслив. – Это же *он* проклятый, а не я. Мне-то что до его проклятья.

И, насвистывая для придания себе пущего безразличия и храбрости, стал легко подниматься на холм, на вершине которого устроился отель "Остров". Благо поклажа совсем не

тяготила – небольшой саквояж, в котором не было почти ничего из прежней жизни, а только вновь приобретённое. Впереди уже подходила к дому пара – странновато, как-то совсем уж по-домашнему, одетый мужчина нёс большой чемодан, а позади и чуть в стороне шествовала черноволосая дама. "Ну вот, – подумал Липси, – По крайней мере, я буду тут не один".

Что-то сосало под ложечкой: то ли жалость к ушедшей навсегда жизни, то ли страх перед новой жизнью – неведомой и, возможно, недолгой. Но он зачитывал по памяти свои любимые места из записных книжек, и ему становилось легче. К двери "отеля" он подошёл уже взбодрившимся, почти весёлым.

Убранство гостиной, в которой он оказался, не впечатляло, но он и не ожидал чего-нибудь эдакого за пять-то фунтов в день.

Массивный, длиннорукий, мощный человек, в котором Липси сразу определил хозяина, сидел на табурете перед радио, стоящим на тумбочке у стены и вещавшим на всю комнату так весело, будто и не было никакой войны.

"Сегодня тринадцатое июня, – жизнерадостно тараторил диктор, – сто двадцать седьмой день Большого Бума. Девятнадцать часов пятнадцать минут местное время, с вами радио "Дредноут" и Кевин Джонс.

Радио "Дредноут" – возьми с собой в бомбоубежище!

Только сегодня в "Даланхолле" свечи по семь фунтов де-

вяносто девять стерлингов, ха-ха! Это была шутка – про стерлинги.

Итак, к последним новостям.

Загадка Сфинкса больше не загадка! Сегодня, в результате ракетного удара русских разрушен знаменитый египетский сфинкс. Многотысячелетнего монстра больше не существует – от него осталась только задняя часть туловища. Только задница осталась от сфинкса, ребята, ха-ха! Внутри чудовища обнаружены многочисленные пустоты, представляющие собой комнаты, в которых захоронены мумии неизвестных науке человекообразных существ. Скорее всего, это пришельцы из космоса, почитаемые древними мусульманами в качестве богов. Все они сожжены разъярёнными солдатами израильской армии.

Китайцы нанесли ядерный удар по Праге. Войска коалиции отступают. Они не способны защитить тебя даже от микробов, но зато у тебя есть мыло "Уайт Гард", которое защищает и от микробов и от китайцев.

В Кардиффе сегодня прошёл очередной, семнадцатый, гей-парад, посвящённый дню Солидарности. В параде принял участие певец Майк Сьюзи, который продемонстрировал собравшейся публике голый зад и спел гимн пацифистов. Новый диск Майка Сьюзи ты можешь купить в "Мьюзикбридже" всего за..."

Липси терпеливо выслушал всю это чушь. Он приготовился слушать долго, но тут хозяин оборвал Кевина Джонса на

полуслове.

– Чёртовы ослы! – выругался он, не поворачиваясь и не ведая о прибытии Нида Липси. – Каждый раз одно и то же! И ни слова о перспективах гостиничного бизнеса. Кому интересна грязная задница этого педика?! Кому интересны чёртовы мумии?! С тех пор как началась война, ничего не изменилось. Только цены лезут вверх да люди падают вниз. Как будто им ещё есть куда падать!.. Стадо! Развращённое, распущенное, жадное, вечно голодное, похотливое, трусливое, бестолковое стадо. Тьфу!

– Кхм, – осторожно и вежливо произнёс Липси. – По большому счёту, вы правы. Во многом просто не могу с вами не согласиться. А кое о чём мог бы и поспорить. Вечерком, за доброй раскуркой и бутылочкой виски.

Хозяин несколько не испугался, не вздрогнул от неожиданности. Он медленно повернулся и воззрился на гостя.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Липси и сделал пару робких шагов в сторону дивана.

– Ну, здорово, коли не шутишь, – отозвался хозяин. В деревянном лице его ничего не отразилось: ни гостеприимства, ни радости новому постояльцу – ничего.

– Это вы угадали, – с готовностью улыбнулся Липси, – пошутить я люблю.

– А твои шутки нам тут без надобности, – был ответ.

Равнодушная грубость покорила непривычную к такому обращению душу Липси, но возражать он не стал. В кон-

це концов, кто он тут такой – всего лишь потенциальный постоялец с жёлтой карточкой брони. Если хозяин не намерен выслушивать шутки постояльцев, он в своём праве. Ведь логично же? Логично.

– А я у себя в комнате шутить буду, – миролюбиво кивнул Липси. – У меня забронирована комната.

– Это как так? – хозяин сдвинул свои кустистые прямые брови совсем уж недружелюбно.

Липси с готовностью достал жёлтую карточку и прочитал вслух запись о "комнате з горденией".

– Вот, извольте убедиться, – протянул он листок хозяину.

– Будь ты проклята! – гаркнул тот столь внезапно и раскатисто, что гость невольно вздрогнул. – Узнаешь ты у меня, чёртова вошь!

– Простите?

Хозяин выхватил из его руки карточку и разорвал с такой яростью, что Липси сразу вспомнил капитана Кола: его слова и жест пальцем у виска.

– Кого простить? – хозяин уставился на посетителя тяжёлым взглядом. – Хотя, какая разница – кого. Всё равно не прощу... Что ты умеешь делать?

Липси совсем растерялся.

– Что вы сказали, простите? – переспросил он.

– Я спросил. Спросил, что ты умеешь делать.

– Э-э... – ситуация становилась какой-то совсем уж неординарной. Ещё минута, и он, пожалуй, действительно по-

жалеет, что не послушал Кола. Ну что ж... Немного юмора, чуть-чуть жизнерадостной иронии, капелька дурашливой игривости разбавят тяжелую атмосферу странноватого разговора. – Что я умею делать... Да много чего, кхм. Например, курить трубку...

Липси быстро извлёк из кармана свою любимую трубку, сунул в рот, пососал. Остывший аромат табачного перегара придал ему бодрости и он продолжал:

– Или, вот, играть в бридж, – ещё не распакованная колода карт была извлечена из другого кармана и продемонстрирована хозяину. – Ещё могу вырезать из бумаги льва. Или верблюда... Видели бы вы, как ловко я это делаю! Во-от... Могу также...

– Чушь! – нетерпеливо перебил хозяин, не замечая иронии, игнорируя юмор и наплевав на игру. В лице его отразилась пренебрежение и даже брезгливость, словно Липси предложил ему, честному человеку, нечто непотребное. – Чушь. Кому это надо.

– А-а, вы изволили спрашивать в смысле общественной пользы, видимо, – посерьёзnel Нид. – Ну, в этом смысле я тоже умею немало. Могу написать письмо в организацию, умею очень быстро считать на калькуляторе. Отлично знаю правила уличного движения и могу водить машину. Владею логикой предикатов... Что ещё... В общем-то, я по роду деятельности – коммивояжёр.

– Чушь! – отрезал хозяин.

– Э?... Ну-у...

– Тебе никто здесь не позволит жрать хлеб втуне.

Липси понял, что сходит с ума.

– То есть... – промямлил он. – Вы хотите сказать, что...

Вы имеете в виду...

– Фамилия у тебя какая-то не такая. Ты цыган?

Всё больше и больше становилось у Липси причин сомневаться в здравомыслии хозяина. Он попробовал прикинуть, что будет, если сейчас повернуться, бросить этому грубияну что-нибудь дерзкое напоследок и вернуться на причал. Ничего хорошего не получалось – одна только пугающая неопределённость.

– Э-э, нет, простите, – пробормотал он, чувствуя, что меняется в лице. – Вас, вероятно, сбила с толку моя фамилия. Или вы неправильно расслышали. Липси. Моя фамилия – Липси. Не Джипси [*Gipsy* *англ.* цыган].

– Ты болтай, да знай меру! – прорычал хозяин. – Пирса Маклахена сбить с толку никому ещё не удавалось! И уж точно не тебе, чёртов сын. Я спросил, цыган ты или нет? К чёрту твою фамилию!

– Позвольте, мистер, – Липси наконец переступил через свою осторожность и смирение. – А нельзя ли чуть повежливей? В конце концов я вам тут не...

– Не позволю, – перебил Пирс Маклахен. – А можно здесь только то, что я разрешил.

– Тогда разрешите мне лишиться вашего общества! И уда-

литься в свою комнату с гарденией.

– Не разрешу. Эта комната уже занята.

– Моя комната занята?! – оторопел Липси. – Это как же так?

– *Твоя* комната? – протянул Маклахен. – Ха! *Твоей* комнаты здесь нет, оборванец. Ни одной. Комната с гарденией занята, я сказал. Будешь жить в курительной.

– Что?

– Ты же так любишь курить трубку, – усмехнулся хозяин. – Вот и будешь жить в курительной. А не хочешь – уберайся. Никто тебя не держит. У меня и так отбоя не будет от постояльцев.

– Но позвольте... – попытался было Липси воззвать к разуму этого человека.

– Не позволю! – перебил хозяин. И его деревянное, вырубленное из цельного куска дерева, лицо стало каменным.

– Я буду протестовать, – промолвил Липси, сам пугаясь собственных слов. Протестовать он вряд ли умел. Пожалуй даже, протест совершенно точно не входил ни в разряд его умений, ни в путаницу намерений, ни в число привычек.

– Можешь начать прямо сейчас, – спокойно ответил хозяин. – Ещё успеешь на паром.

– Но разве можно жить в курительной? – сделал Липси последнюю попытку воззвать к разуму этого человека. – Это... Это вредно для здоровья. Это... это не по-человечески, в конце концов.

– У тебя будет время убедиться, что жить можно везде, где можно сдохнуть.

Кхм...

Ну что ж... Кажется, сделать ничего нельзя. Тогда что остаётся?.. Подчиниться обстоятельствам. В конце концов, всё не так уж плохо; почти наверняка могло быть значительно хуже. Например, хозяин мог поселить его в... простите, в сортире. Или вообще отказать в постое. Или...

– Ну что ж, – вздохнул Липси. И уже почти жизнерадостно произнёс: – Спеши изведать неизведанное и прожить не прожитое! Правило номер сто тридцать два из записной книжки номер три. Есть ещё правило за номером шестьдесят восемь, которое гласит...

– Плевать, – коротко перебил Маклахен.

– Да?.. Кхм... А ведь вы, пожалуй, правы, – рассмеялся Липси почти искренне. Ведь действительно – плевать! Я запишу это под номером...

– К дьяволу, – бросил хозяин.

– И вы опять же правы! – с готовностью кивнул Липси. – Всё очень просто: можно записать под любым номером – какая, собственно, разница. Вы проводите меня в мою ком... в мою курительную?

– Я тебе не проводник.

– А ведь верно, – тут же согласился новоселец. – У хозяина пансиона много дел поважнее, чем разводить по комнатам пос...

– Как ты назвал мой отель? – угрожающе медленно произнёс Маклахен.

– Ах ты ж, бестолковая моя голова! – Липси звонко шлёпнул себя ладонью по лбу. – Отель! Ну конечно же – отель!

– Выйдешь вон через ту дверь. В конце коридора – направо.

6. День первый. Гленда

Она могла бы поручиться, что в двадцать лет жить хочется гораздо больше, чем, например, в тридцать или пятьдесят. Конечно, двадцать лет – это немало, это, можно сказать, приличный (чуть не лягнула "преклонный") возраст, по-своему непростая пора перехода от юношеской беспечности к зрелой рассудительности. И не говорите, что когда *вам* было двадцать, вы были ещё наивны и даже где-то глупы. Это ваше личное дело. Теперь, когда вам в полтора (два? три?) раза больше, вы конечно можете смотреть на себя *того* с высоты прожитых лет. Но не надо всех грести под одну гребёнку! Двадцать прожитых лет Гленды – это *её* двадцать лет и они никак не равняются вашим двадцати годам, вот.

За свои двадцать Гленда успела довольно много. Она успела немало узнать в школе и ещё больше забыть. Она исхитрилась поучиться в колледже, почти в нём не учась, и бросить на самом интересном месте. Гленда умудрилась абсолютно случайно сняться в одной серии какого-то сериала и при этом остаться всё той же милой, доброй и немного взбалмошной Глендой. Один раз она, к стыду своему, была совершенно – в стельку – пьяна. Это было так мерзко, что на следующий день Гленда дала себе зарок всю оставшуюся жизнь не брать в рот спиртного. Она дважды стала жертвой мошенников, купив два абсолютно одинаковых и столь же

совершенно ненужных ей миксера. Гленда трижды перечитала "Над пропастью во ржи", так и не поняв, зачем она это делает. Гленда четырежды безумно влюблялась.

И, наконец, самое главное – она один раз забеременела. Теперь в этом совершенно точно нет никаких сомнений. Какие сомнения, когда *ему* уже почти три месяца!

И, наконец, в свои двадцать она решила сохранить ребёнка, став на всю оставшуюся жизнь матерью. Довольно ответственное и жизнеутверждающее решение, согласитесь. Вот и говорите после этого, что двадцатилетняя девушка – это нечто такое неуловимое, воздушное, беспрестанно лопочущее разные глупости и совершенно безответственное!..

И ещё вот что. В свои двадцать Гленда не по-наслышке узнала, что такое война. Харольд, отец её будущего Остина погиб через четыре дня после того, как был призван. А мать была искалечена в бомбёжке, там, в Германии, куда уехала жить за пять месяцев до начала войны, и где умерла в госпитале, так и не выйдя из комы. Если бы перед смертью она пришла в себя и вспомнила бы о Гленде – хотя бы раз прошептала в бреду её имя, девушке было бы гораздо легче. Не спрашивайте, почему – бестактно задавать такие вопросы. Хотя отношения с матерью давно разладились – и ещё больше после знакомства Гленды с Харольдом, – всё же нить, связующая двух родных людей... В общем, вы понимаете.

Оставшись в этом мире совсем одна (многочисленные подруги не считаются), Гленда растерялась и долгое время

не понимала, как ей жить дальше и жить ли вообще. Но поскольку она была уже умудрённая годами женщина, то несомненно пришла к единственно верному решению – жить, конечно жить: ради Остина и чтобы доказать всем этим китайцам, индусам и славянам, что жизнь всего человечества и жизнь её, Гленды, – в деснице божьей, но никак не в грязных руках этих безбожников и злодеев. Впрочем, конкретно против индусов Гленда ничего не имела. Равно как и против китайцев с русскими. Она всегда точно знала, что место под солнцем найдётся для любого, кто готов жить, не причиняя неудобства и боли другим.

Когда эти дурацкие китайцы объявили Англии ультиматум, Гленда испугалась. Она догадывалась, что сдаваться на милость каких-то янычар никто не станет, а значит, ядерный удар, которым грозили эти самые янычары, неизбежен. Про ядерную войну и её последствия Гленда почти ничего не помнила из того, что когда-то знала. Помнила только, что смерть практически неизбежна – не сразу, так потом.

Спасая своего Остина, она влилась в ряды беженцев. И через неделю метаний, скитаний и непрерывных волнений оказалась на острове Грасхольм, далеко-далеко от своего родного Телфорда.

Там она едва спаслась от какого-то приставучего полупьяного рыбака, и всё только затем, чтобы выяснить, что последний номер в гостинице достался прибывшей на пять минут раньше семейной паре. Ей пришлось второй раз спастись

от рыбака и долго дрожать от холода на продуваемом всеми морскими ветрами причале. И если бы не катер, хозяин которого отправлялся на большую землю, то Гленда дрожала бы так до самой ночи, а за ночь наверняка умерла бы на берегу от холода и страха. А может быть, приставучий полупьяный рыбак надругался бы над ней и утопил под причалом, замечая следы совершённого преступления.

Уже на катере она подслушала разговор капитана с другим пассажиром, из которого узнала, что в пансионе на острове Гир полно свободных мест. Все ужасы, касающиеся хозяйки гостиницы, которые собеседники принялись сочно смаковать, Гленда старательно пропускала мимо ушей. Она уговорила капитана за отдельную плату сделать крюк и высадить её на Гире.

По-вечернему притихший маленький остров – этот прыщик на лысине моря – сразу погрузил её в такое уныние, что она села тут же, на деревянной скамеечке, на причале, и принялась плакать. Возможно, она плакала бы дольше, если бы не холодный ветер и не сумерки, которые опустились как-то внезапно. Такого стремительного наступления темноты Гленда никогда не наблюдала в городе, а потому испугалась. Она кое-как оторвала от земли свой тяжеленный чемодан и стала подниматься на холм, на вершине которого застыла под холодным небом гостиница. Вид её был мрачен и неприветлив – особенно, наверное, потому, что ни одно окно не светилось, намекая на уютный вечер с вязанием на ко-

лениях, за партией в "фараон" или за чашечкой чая.

Маленькая гостиная в которой она оказалась, пропахла картофельным пудингом недавнего ужина, жареной курицей и хлебом. Эти запахи голодная Гленда различила сразу и прежде, чем разглядела в полумраке неприветливое и страшное лицо человека, который сидел за столом и курил отвратительного запаха самокрутку.

С грохотом опустив на пол чемодан, она улыбнулась прямо в хмурый взгляд сидящего и сказала:

– Наконец-то! Наконец-то я добралась.

– Так-так, – произнёс человек, не слишком-то дружелюбно оглядывая Гленду. – Кого ещё чёрт принёс?

Гленда всегда старалась не замечать грубости, если, по её мнению, ей грубили. Ведь если грубят со зла, то своим недовольством ты только распалишь грубияна. А если грубят просто потому, что иначе не умеют, то и вообще какой смысл сердиться и протестовать? Всё равно не исправишь человека. Это нужно время и много стараний, чтобы человека исправить. В свои годы Гленда пока ещё твёрдо верила в то, что любой человек, даже закоренелый мерзавец, поддаётся исправлению.

Она вежливо поздоровалась и не получила никакого ответа на приветствие. А на вопрос где можно было бы найти хозяина заведения – ей сквозь зубы ответили, что это заведение называется отелем. И добавили что-то вроде: "Даже слепая курица сразу поняла бы, кто здесь хозяин".

– Вы не поможете мне внести чемодан? – невинно спросила она, пуская в ход самые задушевные, как ей казалось, нотки своего негромкого голоса.

– Ты его уже внесла, – был ответ.

– Ой, и правда, – улыбнулась она. – Кое-как внесла. Но вы поможете мне донести его до комнаты?

– Я тебе не носильщик...

В голосе говорящего ей не слышалось ни неприязни, ни злости, ни плохого настроения. Просто у человека была такая манера общаться. Ну ладно, что ж теперь, будем стараться избегать лишнего общения с ним, – подумала Гленда.

– Я – хозяин отеля, а не мальчик на побегушках, – продолжал между тем этот сердитый человек. – Да и комнаты у тебя здесь нет, так что тащить эту рухлядь некуда.

Гленда улыбнулась. Самой своей обезоруживающей улыбкой.

– Но ведь будет же! – задорно возразила она. – Мне сказали, что в вашей гостинице...

– Это не гостиница! – оборвал её хозяин таким тоном, каким с ней ещё никто и никогда не разговаривал. – Запомни, чёртова кукла, это не гостиница! Отель!

– О, боже! – выдохнула Гленда, чувствуя, как краснеет от стыда лицо и тяжелеют от страха ноги.

– Не поминай имя господне всуе! Что умеешь делать?

– Делать?.. – Гленда никогда не была особо высокого мнения о содержателях гостиниц и знала много смешных анек-

дотов о их странноватых привычках. Но вот такого вопроса она совсем не ожидала и потому растерялась. – Я студентка. Немного, правда, бывшая... Меня зовут Гленда. Училась на факультете...

– Я не спрашиваю, где ты училась. Плевать мне. Понятно?

– Но...

– Тебе понятно?!

Хозяин хлопнул ладонью по столу так, будто собирался его развалить. Гленда вздрогнула и приготовилась бежать от этого сумасшедшего.

– Д-да, сэр, – промямлила она, чтобы он не убил её прямо тут же.

– Ты не цыганка? – спросил хозяин уже спокойнее, но подозрительно прищуриваясь.

– Что?.. – опешила Гленда. – Но... но вы же видите, что у меня лицо европейского типа, и одета я...

– Ладно, – бросил хозяин, поднимаясь, – будешь горничной.

– Горничной?! Но... Послушайте, по какому праву вы...

– Если не хочешь, можешь идти откуда пришла. Паром подождёшь на причале. Здесь ты мне до утра не нужна.

До утра?! На причале... О, господи!.. Нет уж, хватит с неё на сегодня причалов, рыбаков и катеров с паромами!

– Нет, – жалобно произнесла она. – Нет, я не могу уйти. Мой дом разрушен бомбардировкой. Мне негде жить.

Это – ложь во спасение, а не ложь ради лжи, – утешила

она себя, заставляя лицо не краснеть. Если её дом ещё не разрушен, то ведь всё равно его разрушат в ближайшей бомбардировке... Бедный домик! Ужасная гостиница!

– Не моё дело, – отмахнулся хозяин. – Негде жить – не живи.

– Я буду горничной, конечно, – сдалась несчастная Гленда. – У меня и опыт этой работы есть. Позапрошлым летом я как раз подрабатывала в одной...

– Жить будешь в мастерской, – перебил хозяин.

– Где?!

– Глухая, что ли? В мастерской, я сказал. Там есть верстак. На нём можно спать и есть. Заодно будешь убирать там. На день будешь уходить. Чтобы не мельтешила перед глазами, когда мне надо будет что-нибудь поработать.

– Какой ужас! Но разве можно жить в мастерской?!

– Нельзя? – прищурился хозяин.

– Можно! – пылко воскликнула Гленда, а нос её предательски шмыгнул. – Я ещё никогда не жила в мастерской и не спала на... на этом... как вы его назвали, простите?

– Можешь идти.

– Да-да, конечно. Но вы покажете, где мастерская с этим... как его?

Хозяин недовольно покачал головой, ворча что-то себе под нос.

– Иди за мной, – бросил он, направляясь к двери. Гленда схватилась за чемодан и, пыхтя, поплелась следом.

Ладно, – думала она, – кое-как семена за ним и качаясь от усталости и тяжеленного чемодана. – Ладно, посмотрим, как это всё будет. Если что, придётся поискать другое место...

Гленда, однако, понимала, что никакого другого места она не найдёт, да и искать уже не будет. От этой невесёлой мысли ей стало так грустно и страшно за своё будущее и будущее маленького Остина, что оставшись одна, она первым делом собиралась хорошенько выплакаться.

7. День второй. Беатрис

Чулан даже после ядерного взрыва останется чуланом – это Беатрис поняла сразу, едва ступила в его пахучий полумрак. Каморка пустовала. В маленькое и тусклое оконце едва пробивался серый вечерний полусвет. Крышка большого, во всю стену, ларя была заблаговременно превращена в некоторое подобие лежака – накрыта старым, выдавшим виды (и клопов, наверное, – о, ужас!) матрацем. Сверху хозяйка бросила принесённую пахнущую мылом стопку белья и одно (одно!) полотенце.

– Бог мой! – простонала Беатрис. – Какой ужас! Меня поселили в чулане – в старом, пыльном, вонючем чулане!

– Ну что ж вы такое говорите-то! – пылко возразила Меган Маклахен. – И нисколько он не вонючий. Пахнет деревом. И травами – я здесь укроп сушила и чабрец. И мяту тоже. Очень даже хороший и здоровый запах. И пыль я тут каждый день протираю.

– Кошмар! – не отступала Беатрис. – Неслыханно! А это что такое? Это по-вашему окно?! Я... Я напишу в газету... Я... Да я позвоню в министерство туризма и здравоохранения!

– Вы только на меня-то не серчайте, милочка, – примирительно всплеснула руками хозяйка. – Я что ж, я ж ничего. Я – сами видели – человек подневольный. Всем заправляет

господин Маклахен.

– Но вы же его жена?

– Жена. Меган Маклахен к вашим услугам. Зовите меня "хозяйка".

– Даже и не знаю, как вас называть после всего этого, – дёрнула плечом Беатрис.

– Ну, не называйте никак, – смирилась Меган. – Что ж теперь. Только я тут ни при чём, вот что.

И ушла, пожелав напоследок "спокойной ночи". Издевательство, чистойшей воды издевательство!

Как ни странно, ночь Беатрис проспала как убитая – сказала, наверное, усталость. И ни один клоп не коснулся её смуглой кожи, не потревожил покоя испанской королевы, потерявшей себя на рыхлом матрасе, едва прикрывавшем неподобающее ей жёсткое ложе.

По пробуждении она даже могла бы сказать, что давно уже, бог знает сколько времени, не спала так крепко и не чувствовала себя такой бодрой с утра. Не говоря уж о том, что встала она в начале седьмого, чего по выходным не случилось давным-давно. А ведь проживание на Гире можно приравнять к одному длинному выходному.

Когда она вышла из своей конуры и, мурлыча что-то себе под нос, отправилась принять душ, увидела в коридоре хозяина. Маклахен недвижимо сидел на стуле у небольшого узкого оконца, напоминавшего бойницу средневековой крепости и не сводил глаз с едва различимого вдали острова, на

самом высоком холме которого огромным стеблем странно-го цветка поднимался к небу маяк.

– Доброе утро, сэр! – произнесла Беатрис, немного поколебавшись. Здраваться с этим человеком особого желания не было. Настроение было на удивление замечательным и портить его совсем не хотелось.

Сэр чуть повернул голову, бросил на Беатрис равнодушный взгляд.

– Оно будет у тебя добрым, – ответил, чуть помедлив, – если ты прополешь чеснок.

– Что? – Беатрис недоуменно подняла брови.

Это уже выходило за все границы мыслимого и немислимого. Он что тут вообще из себя возомнил, этот мужлан! И что это за отношение!

– Только смотри, мышь ты городская, не повывёртывай саму зелень. Ты, поди, чеснока-то в своём Лондоне и не видела сроду.

– Я никогда не была в Лондоне, – почему-то ответила Беатрис. Говорить надо было о чесноке: возмущаться, негодовать, послать Маклахена к чёрту наконец. А она о каком-то дурацком Лондоне.

– Плевать, – равнодушно отозвался хозяин, снова поворачиваясь к окну. – Пару грядок можешь обработать до завтрака, всё равно заняться тебе нечем.

– Я не буду этого делать, – сказала Беатрис как можно спокойнее.

– Первый паром проходит Гир приблизительно в семь сорок, – не менее спокойно ответил Маклахен. – Дождёшься его на причале, здесь ты мне не нужна. Деньги за сутки отдашь моей жене. Проваливай.

– Послушайте, – попыталась Беатрис воззвать к его разуму, к чему-то человеческому, что так или иначе должно заполнять место в его груди или сердце, или где там у человека обычно находится душа. – Послушайте, мы же цивилизованные люди. Я ваша гостья в конце концов. Я плачу вам деньги за... за какой-то чулан! И я ожидаю к себе соответствующего отношения. А вы относитесь ко мне, как...

– Проваливай ко всем чертям! – рявкнул хозяин, не поворачиваясь.

– Хорошо, – отозвалась Беатрис, пораздумав. – Хорошо, я сделаю то, о чём вы просите, но учтите, что...

– Я никого ни о чём не прошу, – усмехнулся Маклахен. – Если я сказал "проваливай", это надо понимать как приказ.

К щекам Беатрис прилила кровь. Больше всего хотелось ударить этого мерзавца, – подойти и хорошенько дать ему по этой крупной морде: по губам-вареникам, по носу-картошке, по узкому лбу настырного питекантропа...

Но она нисколько не сомневалась, что он тут же её и убьёт. Ну, по крайней мере, прибьёт до полусмерти. А потом они, вдвоём с женой, отнесут безвольно обмякшее полуживое тело Беатрис на причал и там бросят у самой кромки. Снесут туда же чемодан (разумеется, не затруднив себя сбором

уже распакованных вещей, в числе которых и фарфоровый слон). Придёт паром. Как-бы-матросы загрузят на него бесчувственное тело Беатрис и увезут его на большую землю, где она и придёт в себя от того, что какой-то узкоглазый китаец кольнёт её, валяющуюся в порту, штыком, чтобы убедиться, что она мертва. Очнувшись от боли Беатрис завизжит, испуганно раскрыв во всю европейскую ширь свои красивые миндалевидные глаза в эти азиатско-китайские глазки-щёлочки. И тогда... Страшно представить, что произойдёт дальше!..

Ну что ж, в конце концов ей ведь действительно совершенно нечего делать до завтрака. Почему бы не подышать свежим воздухом, не познакомиться с островом поближе. Погода, кажется, обещает быть неплохой, а от огородной земли, она помнила, идёт такой восхитительный запах!

– Хорошо, сэр, – произнесла она, не глядя на хозяина. – Сейчас я приведу себя в порядок и пойду полоть чеснок.

Маклахен ничего не ответил; достал кисет и принялся скручивать самокрутку...

Хорошо. Чеснок, да? Ладно, хотя бы узнаю, как это растёт. А завтра... А завтра я, возможно, уеду отсюда. Хотя бы затем, чтобы сказать мерзавцу Гарри всё, что я о нём думаю. Пусть китайцы сбросят на меня свою термоядерную бомбу, но жить в этой хибаре, рядом с этим хамом...

В гостиной, куда Беатрис вышла через час, о чём-то разговаривали Меган Маклахен и тот лысоватый господин с хит-

роватым лицом страуса, которого она мельком видела вчера. Он приехал чуть позже.

– Что ж вы от меня-то хотите, – бубнила Меган Маклахен. – Я что, я ж ничего. Всем заправляет хозяин отеля.

– Представьте себе, доброе утро, – обратился господин к Беатрис, едва она вошла. – Представьте себе, хозяин поселил меня... где бы вы думали? В курительной!

– Неизвестно, кому из нас повезло больше, – отозвалась Беатрис, многозначительно взглянув на хозяйку. – Я живу в чулане.

– В чулане? – господин был явно ошарашен.

– Согласитесь, это форменное безобразие! – продолжала Беатрис, обращаясь не столько к нему, сколько к Меган Маклахен. – Это неслыханно и невиданно!

– Да я-то что ж, – повторила хозяйка своё излюбленное оправдание. – Всем заправляет муж.

– Муж да жена – одна сатана, – хохотнул господин.

Меган Маклахен бросила на него укоризненный взгляд, покачала головой, сокрушаясь.

– Полно вам, господин Не-знаю-как-вас-там, – сказала она.

– Меня зовут Липси, – поклонился господин в сторону Беатрис. – Нид Липси.

– Вот и славно, – кивнула хозяйка. – Полно вам, господин Липси.

– Да, меня поселили в курительной, – продолжал тот, не

глянув на хозяйку. – Но я не жалуясь. Не жалуясь, госпожа...

– Беатрис. Просто Беатрис.

– Да, прекрасное имя. Я не жалуясь, я прекрасно понимаю, что нужно радоваться тому, что имеешь. Это правило номер одиннадцать, записная книжка номер один. И потеряв большее, нужно благодарить судьбу за то, что осталось хотя бы и меньшее. Номер двадцать семь, там же.

"Какой он странный, этот Нид Липси, – подумала Беатрис. – Даже не знаю, кто из них больший чудак – вчерашний мой знакомец, или этот".

– Замечательно, мистер Липси, – сказала она вслух. – Мне кажется, вы очень жизнерадостный человек, и легко шагаете по жизни.

– Да, в жизни гораздо больше поводов и причин для радости, чем для уныния.

– Это кому как, – вставила хозяйка.

– Совершенно с вами согласен! – подхватил Липси. – Не найдёшь двух одинаковых жизней. Вот только начало и конец у всех одинаковы, хе-хе. Простите за грустную мысль.

– Видать, не так-то уж вам и весело приходится, вот что я вам скажу, – обрадовалась Меган Маклахен, направляясь к двери на улицу.

Она ещё не успела взяться за ручку, когда дверь сама вдруг открылась и на пороге возник суховатый, поджарый человек в плаще, в шляпе, надвинутой глубоко на глаза, и с

сигарой, небрежно торчащей в уголке рта.

Беатрис немедленно представила, как этот человек поднимался, пытая своей сигарой, на холм – ей отчётливо увиделся табачный дым, циркулирующий по его усердно работающим лёгким. Стало дурно.

В следующий момент внешность вошедшего напомнила ей давно когда-то виденные гангстерские сериалы. Именно в таких длинных плащах, в шляпах и с сигарами в зубах появлялись в кадре бандиты. Они доставали из карманов длинные револьверы и безжалостно грабили и убивали.

Она не знала, кого напомнил новый гость Меган Маклахен, но та, охнув (от неожиданности, наверное), отошла в сторону.

Назнакомец бросил на неё мимолётный взгляд, небрежно кивнул и прошествовал в комнату, даже не потрудившись закрыть за собой дверь. Когда он шагал, стало видно, как сильно он хромот. А его левая нога впечатывала в пол подошву ботинка с такой силой и с таким звуком, что сразу становилось ясно: вместо ноги у него протез.

Вдобавок ко всему, незнакомец был рыж, бородат, хмур и, кажется, неразговорчив. Беатрис никогда не любила рыжих мужчин, относилась с осторожностью к бородатым мужчинам, избегала хмурых и неразговорчивых мужчин. В общем, никаких причин присутствовать при разговоре у неё не было, и она направилась к незакрытой двери.

– Вы кто? – услышала она вопрос Меган Маклахен.

– Ч-ч-человек, – сильно заикаясь ответил пришелец. – Шон Д... Д... Деллахи.

Беатрис передумала уходить. Она только закрыла дверь и отошла к стене, с любопытством разглядывая вошедшего и гадая, что будет дальше.

Господин Липси с радостной улыбкой пошёл, почти бросился, к гостю, протягивая руку.

– Здравствуйте! – радушно воскликнул он. – Мы с вами братья.

– М? – произнёс незнакомец, блеснув навстречу глазами из-под поля шляпы.

– Ну как же... – с готовностью пояснил Липси. – Все люди – братья. Я тоже, подобно вам, человек. Следовательно, мы с вами братья... Ну, это же элементарно.

– У-у-у, – качнул головой Деллахи, небрежно пожав протянутую руку и усаживаясь на ближайший стул.

– А что это вы здесь курите? – подала наконец голос Меган Маклахен.

Шон Деллахи повернулся, взглянул на хозяйку так, будто не видел её только что, минуту назад.

– С-сэ-э-сигару, – молвил он.

– Мистеру Маклахену это не понравится, – хмуро предупредила Меган.

– Он н-не любит с-сигары?

– Ему не понравится, что вы курите.

– А-а, – кивнул Деллахи. – М-моему в-вэ-э-рачу это т-

тоже не нра-вится.

– И курите, курите, правильно! – вмешалась Беатрис. Она не терпела табачного дыма, но сейчас готова была обожать любого, кто сумеет причинить чете Маклахенов хоть какое-то неудобство.

Меган, кажется распознав мотивацию Беатрис, осуждающе покачала головой:

– Как это мелочно с вашей стороны, милочка! – произнесла она, надув губы.

Нахалка! Она ещё смеет обижаться!

– Да что-о вы говорите?! – вспыхнула Беатрис. – А запихнуть гостя в вонючий чулан – это не мелочно, да?

– И совсем он не вонючий, – ещё больше обиделась хозяйка. – Я каждый день там убираю. И потом, это не я выдумала.

Показывая, что разговор с Беатрис закончен, она повернулась к Деллахи.

– Бросали бы вы курить, – строго, но с опаской произнесла она.

– Я к-курю т-тэ-эридцать лет, – ответили ей. – П-поздно б-бэ-эросать.

– Но почему – здесь? – настаивала Меган. – Идите курить куда-нибудь в другое место.

– Я здесь живу, – был ответ.

– Чего? – опешила хозяйка.

– К-кэ-это из вас х-хозяин этого с-са-а-сарая?

– Я жена хозяина *отеля*, – ответила Меган Маклахен, по-

морщившись и налегая на "отеля". – Можете называть меня "хозяйка".

Деллахи без всякого выражения (сколько было видно под полями шляпы) посмотрел на Меган, затянулся, выпустил облачко дыма.

– Мне н-не нужен отель. Мне нужен х-хозяин этого п-п-пэ... пансиона.

– Я о нём и говорю, – недовольно проворчала Меган. – Только это – отель. Так и запомните.

– Мне нужна к-комната.

– Я дам вам комнату, только бросьте курить, – сдалась хозяйка.

– Вы слишком м-многого х-хотите. Я к-курю т-тэ-э... т-тэ-э...

– Он курит тридцать лет, – произнёс Липси.

Деллахи благодарно кивнул в его сторону.

– Вот и скажите ему, что самое время бросить, – обратилась Меган к Липси, будто к переводчику. – Если сейчас зайдёт господин Маклахен, ему не поздоровится.

– М-мэ-э... Маклахену? – спросил Деллахи.

В голосе его невозможно было расслышать издёвки. Но Беатрис несколько не сомневалась, что это издёвка. Она наблюдала за ходом беседы всё с большим удовольствием, радуясь что не пошла полоть чеснок и не пропустила самое интересное.

Липси тоже понравилась шутка Деллахи – он тонко засме-

ялся. При этом его нос стал ещё больше похож на клюв страуса.

– Скажите ему, – недовольно обратилась Меган Маклахен к Липси, – что если ему нужна комната в нашем отеле, то он должен подчиняться общим правилам.

– Я не г-гэ-э... – попытался сказать Шон Деллахи. – Не г-г-гэ-э...

– Он не глухой, – поддержал Липси.

– Слава богу, да только мне-то что, – пожала плечами хозяйка. – Глухим здесь тоже нельзя курить. Курить можно в курительной.

– В курительной?! – возмутился Липси. – Но я там живу, если вы не помните!

Деллахи небрежно погасил окурок, раздавил его в тарелке, стоящей на столе.

– В-вот, – равнодушно произнёс он.

Видели бы вы какой победный огонь загорелся во взоре Меган Маклахен! Она удовлетворённо кивнула.

Тут и появился Пирс Маклахен.

8. День второй. Пирс Маклахен

Тупую курицу ждёт острый топор, – так говаривал папаша. Он это и мамаше всегда повторял. Правда, башку-то ей он так и не снёс. Рубанул, а башку снести силёнок не хватило – стар он тогда уже был. И совершенно зря его посадили. Мамаша сама была виновата, что под топор подлезла.

Эту короткую и ёмкую фразу про курицу Пирс Маклахен любил и частенько повторял, особенно жене. Точно не известно, когда он произнёс её в первый раз. Определённо не до свадьбы и не в первый день совместной жизни. А потом как-то так получилось, что стал повторять её довольно часто. Вот и сейчас она крутилась у него на языке при воспоминании о посеревшем картофеле.

Когда он ступил в гостиную, эта тупая курица сразу хлопала крыльями и, взвизгнув "Ой, у меня же пирог!", засеменила к двери. Виновато сутулясь под тяжёлым взглядом Пирса Маклахена, сторонясь его, она исчезла в коридоре.

– Совсем забыл! – воскликнул Липси, хлопая себя по лбу. – У меня же до сих пор не распакована сумка. Вот же я простофиля!

И засуетился, заторопился вслед за Меган, неловко обходя Маклахена, бессмысленно улыбаясь.

Беатрис проводила его взглядом, потом в упор и гордо посмотрела на Маклахена.

"А ведь я ж тебе велел идти чеснок полоть, чёртова ты кукла!" – подумал он.

– Пойду и я, пожалуй, – сказала эта смуглявая девка. – Душно здесь как-то сразу стало, просто нечем дышать!

Произнеся это, она бросила на Пирса Маклахена победный взгляд, скользнула любопытным и ободряющим взглядом по незнакомому мужику в шляпе, что вальяжно развалился у стола, и вышла на улицу.

Вот и шагай, шагай, пока тебе ещё душней не стало!

Маклахен всем телом повернулся к новичку. С минуту они рассматривали друг друга: Пирс Маклахен по-хозяйски оценивающе и свысока, гость – лениво и равнодушно. Хитрая сволочь и много о себе мнит, его по роже сразу видно. Ну, ты свои замашки-то городские оставь, оставь покуда. Здесь тебе никто кланяться и кофа подносить не будет. Пирс Маклахен тебя в оборот возьмёт быстро, уж это будь здоров. Ему ведь всё равно, кто ты и что там из себя представлял. *Здесь* ты из себя ничего не представляешь. Здесь ты – проситель. А Пирс Маклахен – хозяин. И жизнь твоя, рыжий, зависит от него, от Пирса, мать твою, Маклахена. Ведь ты если хоть слово против вякнешь, вылетишь с острова драным петухом, и благо ещё, если вслед тебе ничего не полетит.

– Ну а ты, приятель? – произнёс Пирс Маклахен, когда выразил взглядом всё, что хотел.

– М-мне нужна к-кэ-э-комната, – промямлил посетитель. Заика, стало быть. Рыжий, да ещё и заика. Это за что ж

тебя так жизнь наказала?

– Ну, так я и думал, – кивнул Пирс Маклахен. – Только свободных комнат в отеле нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.